

Денис Ратманов

Карфаген
Восхождение

Денис Ратманов
Карфаген 2020. Восхождение
Серия «Карфаген», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70291777
Ратманов Денис. Карфаген 2020. Восхождение: 2024

Аннотация

Моя игра началась. Пунийские кланы пытаются меня использовать в борьбе за власть, но никто не подозревает, в чьих руках нити и кто на самом деле кукловод.

Но не бывает равновесия. Я поднимаюсь на вершину, но теряю самое дорогое.

И все, что у меня остается – цель, острая, как лезвие клинка.

Содержание

Глава 1. Глава рода Гисконов	5
Глава 2. Под покровом тайны	17
Глава 3. Власть толпы	33
Интерлюдия. Гамилькар Боэтарх	50
Глава 4. Бета	60
Глава 5. Лицом к лицу	69
Глава 6. Герои	88
Интерлюдия. Элисса	106
Глава 7. Фундамент "Оплота"	113
Глава 8. Видения	133
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Денис Ратманов
Карфаген 2020.
Восхождение

*** * ***

Глава 1. Глава рода Гисконов

Еще пару минут назад я сидел в одиночной камере и ждал дознавателя. Думал, меня обездвигают как особо опасного, допросят, а потом либо расстреляют за нарушение правил на Полигоне, либо отправят в лабораторию – изучать, почему, когда мне это надо, ломается техника и как мне удастся приводить в норму людей со смертельными ранениями.

Но почему-то я на самом верху зиккурата, в роскошном зале, и человек, стоящий за моей спиной, настроен на диалог. Поворачиваю голову. Позади, метрах в трех от меня, заведя руки за спину, стоит сам...

Эйзер Гискон, 47 лет

Уровень 5, ступень 5, глава Великого рода Гисконов

Физическое развитие: 14

Духовное развитие: 10

Глаза лезут на лоб, но всеми силами стараюсь сохранить невозмутимость. Удивление сменяется злостью, но не порывистой, как язык пламени, а тяжелой, как могильный камень. Из-за этого человека погибли Вэра и Тейн, и неизвестно, что стало с Наданой и Лексом. Видимо, он сообразил, что я обладаю полезными способностями, и оставил меня для себя, буду у него чем-то типа придворного мага-лекаря.

Ну не о грядущем же суде аристо собрался разговаривать с

тем, кого и человеком не считает! Что-то ему от меня нужно.

– Что с моими людьми? – спрашиваю то, что волнует больше всего.

Гискон вскидывает бровь – похоже, он удивлен больше меня – смотрит пристально и наконец говорит очень мягко, примерно как врач, пытающийся в чем-то убедить буйного психа:

– Леонард, здесь вопросы задаю я. От меня полностью зависит твоя судьба. Ты, похоже, не узнал меня...

– Почему же, ты – Эйзер Гискон, главный организатор «Полигона».

Разворачиваюсь к нему вместе со стулом. Передо мной высокий подтянутый мужчина в темно-сером кардигане до колен, черноволосый, гладко выбритый, похожий на Гамиль-кара Боэтарха, как брат. Один глаз у него карий, а второй – зеленый в янтарную точку. Чувствую его замешательство – он думал, что я начну трепетать и ползать по полу, вымаливая прощение.

Гискон смекает, что сам себя поставил в невыгодное положение, обходит стол и занимает стул напротив меня, сплетает пальцы.

– Тебе угрожает суд, Леонард. Надо ли говорить, что приговор зависит от меня?

На языке вертится «кто бы сомневался», но оставляю колкость при себе. Хочет поговорить – будем вести диалог на равных.

Подаюсь к нему.

– Эйзер, по идее, я должен был сейчас сидеть в грязной вонючей камере и дожидаться суда, а еще вероятнее – валяться с пулей в голове. Раз я жив и удостоился чести говорить с тобой, значит, у тебя на меня есть какие-то планы, давай обойдемся без запугиваний и перейдем к делу.

По ходу дела сканирую Гискона, запрашивая в том числе дополнительную информацию, она меня сразу же удивляет: у героя-любовника три официальных ребенка и двадцать два бастарда. Интересно, он о них знает? Личность он разносторонняя, занимается политикой, журналистикой, шахматами и восточными единоборствами. Единственное его преступление – клевета.

Культу Ваала принадлежит разве что по долгу службы, атеист, если проявить его паранормальные способности, он получит абсолютную память.

Гискон высок, метр девяносто два, и атлетичен – девяносто килограммов. Интеллект – 17. Здоровье – 17. Но самое интересное – его отношение, он ко мне равнодушен.

– Здоровое предложение, – кивает Гискон. – Я долго за тобой наблюдал, Леонард. И оказалось, что ты известная личность: спасал детей в аэропорту, предотвратил теракт, нашел логово черных трансплантологов. И все это за кратчайший промежуток времени! Подвиги Геракла меркнут! Талант, я бы сказал. Очень разносторонний талант. А теперь я тебе кое-что хочу показать, только, пожалуйста, не перебивай ме-

ня, посмотри и послушай, вопросы задашь потом.

И снова на экране появляется нарезка кадров с моим участием, когда я «ронял» дронов в нужный для меня момент, а под конец чуть не уронил флаер с Гисконом на борту.

– Правда, странные совпадения? – спрашивает Гискон, задумчиво глядя на экран. – За много лет ни один дрон не вышел из строя, а тут – сразу два, и все возле тебя, и в самый интересный момент. А ведь запрещено причинять вред дронам!

Пожимаю плечами и кошу под дурачка:

– Я их не трогал. У меня, как это называется? Энергетика мощная. Приборы выходят из строя, когда я нервничаю.

– Хорошо, сделаю вид, что поверил. – Он закидывает ногу за ногу, поворачивается боком и кивает на экран. – Заметь, это не Карталония.

Ревет, беснуется толпа на площади, окруженная полицейскими со щитами, в жизни не видел столько людей в одном месте. Второй кадр – и опять толпа, какой-то митинг. Теперь место знакомое: парк, где я отбил детей у трансплантологов. Рядом с бетонным Ганнибалом на слоне сидит молодой человек и орет в громкоговоритель:

– Если они не понимают, что творят и затыкают уши, то мы заставим себя услышать! Да?

– Да! – слаженно, в тысячу глоток ревет толпа.

Хочется улыбнуться. Все-таки мне удалось запустить цепную реакцию, скоро низы взбунтуются и разнесут все к хре-

нам! Но вместо этого делаю озабоченное лицо и уточняю:

– Это ведь у нас? Пока я был на Полигоне, случилось... вот такое?

– Вспыхнуло буквально за три дня. – Гискон вертит в руках пульт и выглядит более чем довольным, если не сказать счастливым. – Революция. А если подавить революцию не в твоих силах, что нужно сделать?

– Возглавить ее, – предполагаю я и пока не соображаю, к чему он клонит.

– Ты слишком умен для пограничника. Леонард Тальпаллис – никто из ниоткуда, закончил обычную школу, не блистал эрудицией, не тянулся к знаниям и за всю свою серую жизнь не совершил ничего выдающегося. Ты за неделю в Новом Карфагене перевернул второй уровень с ног на голову. Кстати, как звали твою классную даму?

– Энрика... кажется, Бортис, – сочиняю на ходу, рассчитывая на то, что Гискон берет меня на понт.

– Хм. Придумал? Или изучил матчасть? У тебя были одноклассники, и если побеседовать с ними...

Продолжаю его же игру, понимая, что он блефует.

– Когда найдете Рею, скажите мне. Интересно, как она.

Он смотрит с улыбкой, как на диковинного зверя, мысленно вертит в разные стороны, проверяет на прочность.

– Да, ты слишком умен. При желании я быстро выясню, что ты такое и откуда взялся. Но обещаю этого не делать, – он берет паузу, ожидает мой ход.

Очевидно, что если понадобится, он перевернет мир и найдет на меня компромат. Может, уже ищет. Моя новая личность склепана на скорую руку, потому принимаю его правила.

– Называй свои условия.

Гискон нажимает паузу и приближает парня на слоне. Вокруг статуи полно молодежи с транспарантами, где я читаю:

«Свободу Леонарду Тальпаллису!»

«Леонард – победитель Полигона!»

«Требуем пересмотреть результаты Полигона!»

Гискон показывает другую площадь, третью, где происходит одно и то же: народ требует, чтобы меня освободили. Будь на моем месте кто попроще, он уверовал бы в народную любовь, и она, бесспорно, есть, но очень уж все хорошо организовано: и громкоговорители у митингующих, и одинаковые транспаранты с похожими надписями. Гискон сам подвел меня к мысли о том, что надо бы возглавить народные волнения, и в голове щелкает.

– Как давно начались бунты? Только ответь честно.

– С неделю. К чему вопрос?

Усмехаюсь и озвучиваю догадку:

– Ситуация начала выходить из-под контроля, а тут вдруг так удачно штурманул базу гемодов! А учитывая, что рейтинг у меня высокий, если меня публично прижать, это вызовет общественный резонанс! – развеселившись, хлопаю себя по бедру. – Эйзер, это гениально! Ты меня раскручиваешь

по всем медиаресурсам, потом вероломно вмешиваешься в шоу, нарушая собственные правила, с помощью СМИ накручиваешь народ, выгоняешь толпы на площади, заводишь их с помощью своих провокаторов! Bravo!

Встаю и хлопаю в ладоши, Гискон смотрит без выражения, он по-прежнему ко мне равнодушен, я для него очень нужная и удобная вещь, не более.

– Ты за сутки разжег такой костер! – снова сажусь, принимаю вольготную позу, закинув ногу за ногу. – Все уже забыли, чего хотели изначально, благодаря тебе вся несправедливость мира – в моем заточении. Ты даешь толпе меня, делаешь меня победителем, и они расходятся по домам. Костер погашен. Так?

– И все-таки мне интересно, что ты такое, – бормочет Гискон. – Да, так. Мои условия: выпускаю тебя к толпе, ты их успокаиваешь, получаешь свое место на четвертом уровне и при необходимости помогаешь управлять сознанием масс: участвуешь в ток-шоу, даешь интервью.

– А потом со мной случается что-то смертельное, – все так же улыбаюсь, глядя на него. – Как случилось с моими людьми. Но и гарантий от тебя не получить, – подпираю голову рукой, задумываюсь. – Хотя по сравнению с остальными аристо ты коварен, но не кровожаден.

А ведь я нужен ему так же, как и он – мне. Он меня, по сути, пропаровозил так, как я сам и за пять лет не смог бы. Гискон и не догадывается, что он совершил преступление

против всех аристо, да против самого мироустройства! А раз я нужен ему, он собирается меня использовать, продвигая, а не расчленять в лаборатории, то нужно постараться извлечь из ситуации максимальную выгоду.

– У меня есть соображения, как успокоить толпу максимально быстро и сделать так, чтобы волнения не повторялись. Но для этого мне придется сдержать слово, а я обещал жизни тем, кто мне поверил. Два моих человека убиты...

– Они живы, – равнодушно говорит Гискон. – В них стреляли парализаторами и шариками с краской, чтобы сцена выглядела максимально жестокой и вызывала негодование. И эти двое, и парень с женщиной, и пятеро сдавшихся. Я понимаю, что они нужны для того, чтобы воцарилась справедливость.

Откидываюсь на спинку стула, тянусь к пустому стакану, изо всех сил стараясь скрыть радость. Да я просто счастлив! Еще бы Эристана воскресить...

А теперь самое время подумать о себе: о том, как создать безопасный плацдарм и начать качаться, выполнить наконец незакрытые квесты, найти организатора терактов, прижать хвост Братству топора, уничтожить питомники трансплантологов, как-то попытаться помочь гемодам, остановить зачистки трикстеров.

При воспоминании о своей стае сердце отдается застарелой болью утраты, тоской по детству и несбывшейся жизни. Я стал другим, тот Леон умер.

– Как странно тасуется колода, – говорю Гискону. – Я сделаю все, как ты скажешь. А ты поможешь мне создать службу внутренней безопасности, стоящую над полицией. Я нахожу главарей преступных группировок, устраиваю показательные казни, народ это любит.

– Подконтрольную мне службу внутренней безопасности. Признаться, никогда не вмешивался в дела плебеев, а зря.

Ловлю на себе его внимательный взгляд, и он не удерживается от вопроса:

– Зачем это тебе? Служба безопасности, трансплантология... Не вытаци я тебя с Полигона, ты и правда выкупил бы всех, кто тебе сдался? И не в рабство выкупил, а распустил по домам, по сути, на ветер выбросил свой миллион?

Киваю.

– Я идейный. Как бы нелепо ни звучало, но это так.

Гискон выключает экран, поднимается. Заведя руки за спину, делает два шага вдоль стола, два назад, разворачивается и упирается руками в стол.

– А теперь о главном, – и берет паузу, сверлит меня взглядом, я поднимаюсь, чтобы мы были в равных условиях. – Я слышал, что жрецы обладают даром исцеления, но всегда считал чудеса постановкой, а теперь увидел их собственными глазами – в твоём исполнении. Темнокожий парень получил смертельную рану, – он включает запись: еще до того, как мы захватили крепость, Вэра осматривает Тейна и выносит вердикт; останавливает видео, приближает живот

маори. – По-моему, все ясно: прободение кишечника, перитонит, внутреннее кровотечение. А утром этот человек уже здоров. Я не прошу открыть тайну, какие силы тебе помогают, мне все равно. Моя любимая дочь смертельно больна, и если ты в силах ей помочь, я буду твоим должником. Хочешь – флаер премиум-класса. Любые апартаменты. Миллион шекелей. Только помоги моей девочке.

Вот так поворот! Гискон-то на крючке, потому особо и не запугивает меня, понимает, что тут нужно действовать хитростью. Как говорил покойный Мелиар Делла, разработчик программы, сама реальность будет помогать мне, создавая благоприятные условия.

– Что с ней? – интересуюсь я.

– Лейкоз. Две операции не помогли. Скоро третья, которая может ее убить.

– Нужно смотреть на девочку, пока ничего гарантировать не могу.

Эйзер зашагал к выходу.

– Идем.

Развожу руками.

– Прямо так? Я не мылся больше недели и оброс, как озверелый. Она зайкой сделается – привел отец какого-то разбойника. Это раз. Два, мне нужно увидеть свою команду и убедиться, что с ними все в порядке.

– Если поможешь ей, чего ты хочешь?

– И слово это было «если». Если получится, тогда и по-

говорим. К тому же нам предстоит длительное сотрудничество, не вижу смысла выкручивать руки партнеру. Я не привязан к материальным благам. Так где мои люди?

– Они не здесь. Идем, тебя проводят в ванную, и мы вылетаем.

Спустя полчаса в сопровождении двух телохранителей Эйзера Гискона шагаю к его флаеру, похожему на тот, что я подобрал, спасая Элиссу от Боэтарха.

Думал ли я, чем обернется мое вчерашнее отчаянье? Это не просто победа, это – начало большого пути, и теперь шанс все изменить приобретает материальность.

Внутри флаера пахнет роскошью. Мы с Гисконом садимся в белые кресла, тотчас принимающие форму наших тел, на правом подлокотнике – панель управления, фокусируюсь на ней, нажимаю на оранжевую кнопку с изображением бутылки. Из стены выдвигается металлический куб на ножках, примерно метр на метр, ждет, пока флаер взлетит и прекратится не тряска даже – покачивание, и катит ко мне. Крышка поднимается и складывается, появляется мини-бар с алкоголем, о существовании которого я даже не догадывался. Выбираю бутылку воды, сбоку выезжает отсек со стаканами.

Пью, замороженно глядя вниз, где на брюхе флаера проступает изображение с внешних камер: зиккурат с высоты птичьего полета. Подо мной – гигантские ступени, тысячи золотых точек-окон, отражающих свет восходящего солнца, тысячи флаеров, более похожих на мутный движущий-

ся поток, обрывки облаков и далекие горы, подернутые сизой дымкой. Людей не видно, они даже не пылинки. И где-то среди них сходит с ума Элисса, посмотревшая шоу, а я не могу дать о себе знать.

Сотни моих знакомых душу продали бы за право очутиться здесь, мне же тут неприятно, ощущение, что это место враждебно, меня вот-вот разоблачат и сбросят вниз. От пристального взгляда Эйсера Гискона мышцы между лопаток сводит от напряжения.

Аристо по-прежнему равнодушен ко мне. У него было мало времени, чтобы собрать на меня компромат, но он непременно сделает это, чтобы я не вышел из-под контроля. Пусть! У него есть то, что мне необходимо для запуска цепной реакции – СМИ, к тому же из-под контроля я уже вышел, но ему об этом знать незачем.

И я выгрызу место под солнцем для своей команды и сделаю так, чтобы никто ко мне не подобрался, в том числе долбаный Боэтарх.

Глава 2. Под покровом тайны

– Пока ты официально под арестом, – говорит Гискон, сидящий напротив и потягивающий вино из пузатого бокала на тонкой ножке. – И в твоих, и в моих интересах не бросаюсь в глаза и не привлекать внимание. Для всего мира Эйзер Гискон – тиран и узурпатор, а Леонард Тальпаллис – безвинно обвиненный.

Флаер летит так ровно, что кажется, мы в кабинете, а не в движущейся машине на полукилометровой высоте

На мне одежда Гискона; футболка жмет в плечах, брюки, которые пришлось подкатить, не застегнулись на поясе. Наблюдаю в иллюминатор, как флаер, качнувшись, зависает у вертикальной стены, поднимается роллет, и к нам выезжает стартовая дорожка на подпорках. Флаер опускается, и его затягивает в просторный посадочный модуль.

Пол под ногами, куда минуту назад транслировалось изображение с камер, и казалось, что это иллюминатор, белеет и теряет мнимую прозрачность.

– Мы в больнице, – говорит Гискон, стискивает подлокотники так, что белеют костяшки. – Очень надеюсь, что ты сможешь Дари.

Он изо всех сил старается выглядеть надменным и расслабленным, но напряжение проскальзывает в мелочах.

– К сожалению, я не всемогущий. Сделаю все, что в моих

силах.

Иду за ним, пилоты переквалифицируются в телохранителей и сопровождают нас. Из флаера выпрыгиваем не в серый ангар, а в идеально белое помещение, где стены и потолок источают свет. С непривычки кружится голова. Навстречу выходят двое в белых пиджаках, штанах, туфлях и шапках, с масками под подбородками. Догадываюсь, что это медики, хотя раньше такую униформу видеть не доводилось. Считаю информацию с того, что справа:

Ка-18, 28 лет.

Гемод, собственность медицинской корпорации «Дидона».

Физическое развитие: 19.

Духовное развитие: 4

Судя по физическому развитию, гемоды – служба безопасности.

Оба склоняются, приложив руку к груди. Выпрямившись, как роботы, произносят в унисон:

– Да ниспошлет Ваал...

Эйзер поджимает губы и взмахивает рукой:

– Без церемоний. Мне к дочери. Трое сопровождающих – под мою ответственность.

Отворачиваясь так же синхронно, гемоды проводят по стене – справа и слева в стороны разъезжаются створки замаскированных дверей, на многочисленных полках угадываются светло-зеленые пакеты. У меня продолжает кружиться

ся голова от новых ощущений. Я, как пещерный человек, попавший в другой мир, где каждый чих автоматизирован. Привыкну ли? Пятая ступень зиккурата в технологическом развитии обогнала вторую лет так на сто.

Гискон разрывает зеленоватый пакет, надевает целлофановый балахон с капюшоном, на ноги – подобия резиновых сапог. Тоже начинаю облачаться. Прежде чем надеть стеклянный намордник с фильтром, Эйзер говорит:

– У Дари лейкоз. Любая инфекция смертельна для нее, в палате стерильно.

Придерживая маску, Гискон подходит к экрану, встроенному в дверь и расположенному на уровне глаз, пока сканируют его сетчатку, стоит неподвижно. Наконец мелодичный женский голос говорит:

– Доступ разрешен, Эйзер Гискон. Уточнения?

– Один сопровождающий, неучтенный. Уровень доступа – А.

– Поняла. Уточнение: один неучтенный сопровождающий, абсолютный уровень доступа. Оповестить персонал?

– Визит конфиденциальный. Нас не должны беспокоить.

– Исполняю.

Дальше по коридору со светящимися стенами идем в сопровождении безопасников вдоль прозрачных дверей, телохранители Гискона остаются снаружи. Если б не медицинское оборудование, можно было бы подумать, что за ними – обычные детские комнаты. На маленьких пациентах – белые

штаны и футболки, почти все дети лысые, некоторые лежат, подключенные к аппаратам.

Приходит мысль, что человек научился управлять энергией атома, но так и не сумел побороть рак и некоторые вирусы, например, бешенства.

Палата дочери Гискона в середине коридора. Совершенно лысый подросток замер в кровати, подключенный к трубочкам капельниц.

– Дверь, – командует Эйзер, она втягивается в стену и, как только мы входим, закрывается.

Увидев отца, девочка подается навстречу, но он вскидывает руку, чтоб она не вставала, садится на кровать.

– Привет, малышка. Ты как?

Пока девочка жалуется, осматриваю комнату, замечаю четыре замаскированные камеры, фокусирую взгляд на пациентке:

Дариэлла Гискон, 12 лет

Уровень 5, ступень 5.

Физическое развитие: 10.

Духовное развитие: 7.

Делаю дополнительный запрос о причине заболевания.

Здоровье: 3

Острый лимфобластный лейкоз, спровоцированный агрессивным ментальным воздействием

Прогноз: неблагоприятный.

Мысленно спрашиваю у программы, могу ли я ей помочь.

Вероятность благоприятного исхода – 0 %, результат деятельности: ремиссия, рецидив через 32 дня, для нейтрализации агрессивного ментального воздействия необходимо получить третий осколок Сферы познания.

Силуэт девочки начинает тускло светиться, и я замечаю черное копьё, будто бы сотканное из дыма, вонзившееся в ее грудину. Агрессивное ментальное воздействие. Вспоминаются слова гемода Сандрино о том, что Гамилькар Боэтарх умеет насылать болезни, и он желает моей смерти. Боэтарх охотился за Элиссой, не зная, что она его дочь, чтобы заполучить благословение Танит, но оно досталось мне. Вероятно, он обрел разрушительную силу в противовес моей, мы – два осколка, из которых должен был сложиться Белый Судья.

Со мной Танит и Шахар, с ним, соответственно, Ваал – бог официально разрешенного культа. Естественно, происходящее со мной не ускользнуло от внимания сверхсущности, и Ваал, уловив исходящую от меня опасность, одарил самого ревностного своего последователя.

Посмотреть бы на Боэтарха в реале, хотя бы издали.

Мысли разбежались, с трудом собрал их в кучу, чтобы обдумать возникшую проблему. Если скажу, что девочку не спасти, и я могу лишь временно улучшить ее состояние, Гискон подумает, что я не хочу ее исцелять сразу, чтоб держать его на коротком поводке. Если соврать, что вылечу, за месяц получить третий осколок, а потом довершить начатое... А

вдруг опять не получится? Вдруг Боэтарх усилится и добьет ее? Тогда я лишусь покровителя в лице Гискона и получу могущественного врага.

Но почему Боэтарх убивает девочку, а не самого Гискона? Или «насылать болезни» может кто-то еще? А что, если эту способность обретет любой ревностный служитель культа?

– Ну что? – нарушает Эйзер затянувшееся молчание.

Обвожу взглядом комнату и говорю:

– Тут везде камеры. Нужно место, где глушатся сигналы. Есть такое поблизости?

– Откуда... – протянул Гискон и махнул рукой. – Понял, не отвечай. – Он погладил дочь по бледному лбу рукой в перчатке. – Я скоро вернусь, Дари.

– Ты обещал, что придет Армадон... – заканючила девочка.

– Он занят, малышка. Но обязательно навестит тебя.

Уже в коридоре Эйзер сказал:

– Клиника «Дидона» принадлежит нашему роду, тут безопасно. Но при ребенке, ты прав, лучше не говорить.

– Ты ведь не знаешь, что услышишь, – шепчу я. – Информация будет касаться не только здоровья Дари, но и... более глобальных вещей. Смертельно опасных вещей.

Гискон атеист, что упрощает задачу. Я видел, как на отречение от Ваала реагируют обычные люди, но чего ждать от аристо? Не подпишу ли я себе смертный приговор? Из кабинета в конце коридора выскакивает миниатюрная женщина

и устремляется к нам, но Гискон жестом останавливает ее, она пятится назад.

– Все так серьезно? – спрашивает он, его лицо остается бесстрастным, и кажется, что только левый зеленый глаз брызжет эмоциями – тут и надежда, и страх, и бессильная злость.

Молчу. Мы шагаем в конец коридора, где за непрозрачной дверью, замаскированной в стене, обнаруживается пустая комната для переговоров.

– Совещание мини, – дает голосовую команду Гискон, и черный, на первый взгляд каучуковый пол приходит в движение. Из образовавшегося люка поднимается овальный стол со стеклянной поверхностью, четыре обычных стула и мини-бар с разнообразными напитками, в том числе – алкоголем.

Осматриваю комнату, нахожу четыре неактивные камеры, указываю на них:

– Если включишь трансляцию, и происходящее выйдет за пределы зала, ни мне, ни тебе не жить. А теперь ответь мне на вопрос, какие у тебя отношения с Гамилькаром Бозтархом.

По лицу Гискона будто бы пробегает тень, но он быстро берет себя в руки, но мне ясно – что-то между ними произошло, и возможно, именно мой враг приложил руку к заболеванию девочки. А раз она еще жива, значит, так и задумано.

– Что ему от тебя нужно? Пытался ли он давить на тебя?

Может, имел место шантаж?

Гискон наливает себе красное вино, но передумывает и переходит на сок. Он не торопится отвечать, обдумывает и взвешивает новую информацию, усмехается и переводит взгляд на меня. Его карий глаз смотрит холодно, зеленый – с интересом. Но отношение ко мне не меняется, это равнодушие.

– Ты удивишься, если я скажу, – Гискон берет паузу и смотрит в упор.

– Обещаю удивить тебя чуть позже.

– Ему нужен ты, Леонард. Он говорил, что «это» прекратится, если я позволю тебя ликвидировать. Но при чем тут болезнь дочери и Боэтарх?

Сажусь напротив Эйзера, пью сок прямо из стеклянной банки.

– Он не вполне человек, Эйзер. Как и, наверное, я. Мы две стороны одной медали, но нас ведут разные силы, меня они одарили талантом вытаскивать людей с того света, его покровитель научил убивать необычным способом. Наверняка, если копнуть поглубже, вокруг Боэтарха обнаружится множество смертей, которые выглядят естественно, но...

Эйзер рассмеялся, но быстро совладал с эмоциями.

– Допустим, так. Допустим, Боэтарх медленно убивает мою дочь для того, чтобы я отдал тебя ему, и если сделаю это, она выздоровеет...

Пожимаю плечами:

– Не факт, что ментальное воздействие имеет обратную силу. Но даже если так, тебе придется признать его власть над собой и своим родом, а ты слишком тщеславен, чтобы пойти на это.

Ненадолго Гискон смолкает, трет подбородок, морщится и наконец спрашивает:

– Какие же силы движут тобой?

– Танит. Боэтархом – Ваал. В мире больше нет единства. Как и не будет Белого Судьи. Только он или я.

И снова молчание. Взор Гискона устремлен вдаль, он напряженно думает, вскидывает голову.

– Ты в силах помочь моей дочери? Я готов поверить хоть в Ахура Мазду, лишь бы она жила.

– На твой вопрос мне хотелось бы ответить под детектором лжи или сывороткой правды, чтоб ты не пытался уличить меня во лжи.

– Не тyani. Если понадобится, повторим, как ты хочешь.

Еще раз все обдумав, решаю раскрыть карты. Придумывать подходящую версию нет времени, да и она не выдержит проверки. Правда путь фантастична, но у нее есть логика.

– Мои способности не статичны, я расту, умения растут. Сейчас я на второй ступени развития и ограничен в возможностях, потому могу лишь временно стабилизировать ее состояние. Ремиссия продолжится тридцать два дня. За это время я рассчитываю прокачаться и полностью снять воздействие. Согласен, похоже на то, что я стараюсь держать те-

бя на коротком поводке, но это не так.

– Да, похоже, – кивает Эйзер, глядя неотрывно. – И если бы я не изучил твою стратегию на Полигоне и средства достижения целей, то сбросил бы тебя с флаера. Ответ на еще один вопрос, и закроем тему. Что тебе нужно для усиления?

– Совершить сто добрых дел, – отвечаю я, так же не сводя с Гискона взгляда.

Грустно ухмыльнувшись, он кивает своим мыслям, мотает головой, смеется.

– Невероятно. Я склонен полагать, что сказанное тобой – правда. И это объясняет странности твоего поведения: борьбу с преступностью, с донорскими фермами, желание всех спасти на Полигоне. Да ты устал бы подводить мистификацию под такое логическое обоснование! А так же, если мыслить логически, можно предположить, что способности у тебя недавно... И, – глаза его округляются, – ты получил благословение Танит? Она выбрала тебя?

А вот об Элиссе знать ему незачем.

– Не она. Скорее Мелиар Делла, программа «Крысоед» – слышал? Мне установили нейросеть, и я не сдох, как остальные подопытные, но что-то пошло не так. Но может, «не так» – и есть изначальная задумка. Я иногда слышу в голове голос Танит, а иногда и вижу ее.

– Старый проходимец Делла! – вскрикивает Гискон, теряя хладнокровие. – Теперь ясно, что ты не лжешь. Теперь по Дари. Каковы ее шансы выздороветь без, скажем так, мисти-

ки?

– Мне пришла информация, что вероятность положительного исхода – ноль процентов. Операция убила бы ее. Или она умерла бы в течение нескольких дней. Как я понял, Ботарх уже списал тебя со счетов, либо же и не планировал снимать проклятье.

– Почему же, у меня есть несколько дней, чтобы связаться с ним и прекратить это, – припечатывает Гискон и берет паузу, а я чувствую ледяную волну, поднимающуюся по позвоночнику. – Но не буду. Думаю, ты сам поймешь почему. – Он поднимается и, сверкая глазами, бьет кулаком по столу. – Потому что с террористами нельзя вести переговоры. Идем, поможешь моей девочке.

– Там камеры и стеклянная дверь, будут происходить странные вещи, лучше привести ее сюда. Ритуал быстрый и безболезненный, но есть одно «но» – ей придется отречься от Ваала, и я не знаю, имеет ли процесс обратную силу.

– Если это поможет, я готов поклоняться хоть Аиду. – Поглощенный идеей вылечить дочь, Гискон всячески демонстрирует, что ознакомлен с запрещенными трактатами.

Гискон уходит за дочерью, оставив меня одного. Стоило ли открываться ему? Или следовало продавить, навязать свои условия, а мои способности окутать мистическим флером? Интуиция в этот раз пришла в согласие с жизненным опытом, и я выбрал привычную модель поведения: не врать тем, с кем имею дело.

Возвращается Гискон минут через пять, все так же в своем противочумном костюме, придерживая девочку за талию, усаживает ее на стул. Я тоже не снимаю защитный костюм, занимаю стул напротив нее. Поглаживая ее по руке, Эйзер говорит:

– Дариэлла, этого человека зовут Леон, он поможет тебе. Будут происходить странные вещи, но ты не бойся, все под контролем, делай так, как он говорит.

Гискон отходит, скрещивает руки на груди, я касаюсь ее предплечья.

– Просто повторяй за мной и лучше закрой глаза. Ты будешь задыхаться, будешь кашлять, но это пройдет. Главное не открывай глаз.

– Ей нельзя кашлять, у нее может горлом хлынуть кровь, – напоминает о себе Гискон.

– Не хлынет. Дари, закрывай глаза и не просто отвечай на вопросы, а верь в то, что ты говоришь. Тогда ты точно поправишься уже завтра. Дариэлла, отрекаешься ли ты от Ваала?

– Отрекаюсь, – кивает она.

– Отрекаешься ли от всех прислужников его?

– Отрекаюсь.

– Отрекаешься ли от всех темных дел его?

– Отрекаюсь.

Зная, что последует, подхожу к девочке, чтобы подхватить ее, когда начнутся приступы кашля, и вовремя: тело Дари выгибает дугой, по ней прокатывается волна судорог, опро-

кидывая стул – ловлю его, держу девочку на руках, пока у нее приступ. Гискон бросается на помощь, но выставляю руку вперед.

– Так всегда и у всех. А теперь смотри внимательно.

Дари затихает, несколько раз кашляет и сплевывает на пол знакомый мне черный сгусток, который ведет себя активнее, чем у других: отращивает ложноножки, пытается отползти, тянется к Гискону. Передернув плечами, он отступает на шаг и спрашивает, тыча пальцем в субстанцию:

– Это что еще такое?

– Частица Ваала. Можешь снимать видео, чтоб не говорил, что стал жертвой морока.

Гискон срывает с пояса выключенный коммуникатор, направляет камеру на сгусток, который, еще немного подергавшись, истаивает; и стоит, снимая белый пол. Он побледнел, губы его подрагивают.

– Когда нам делают тату на седьмом шейном, мы проходим инициацию, в нас поселяется такая штука и питается нами, – объясняю я. – Если не удалить ее и не отречься, она не даст ничего сделать.

Дариэлла затихает и засыпает на моих руках здоровым сном, а впечатленный Эйзер пересматривает запись с черной субстанцией, сводит брови, кривится, смотрит снова, мотает головой.

– Девочка уснула, – говорю я, баюкая Дари, она легкая и худая, как дети трикстеров. – Когда проснется, ей зверски

захочется есть.

Эйзер вскидывает голову, потирает шею так, будто что-то ему мешает.

– И во мне живет такое существо?

– Во всех, кому нанесли тату.

Увиденное так впечатлило его, что из хладнокровного и высокомерного хозяина мира он превратился в сбитого с толку напуганного человека, понявшего, что он игрушка в руках куда более могущественных сил.

– Давай проведем ритуал отречения, мне не нравится чужеродный агент в моем теле.

– Я бы не спешил. Возможно, тогда Боэтарх тебя засечет и попытается ликвидировать, а я пока не могу тебя защитить. Знать бы, на что он способен! Но для этого надо взглянуть на него вживую.

Идем в палату Дари, укладываю ее на кровать, Эйзер накрывает дочь простынею, внимательно смотрит, как она дышит, улыбаясь во сне. При внешнем спокойствии он очень эмоционален и сентиментален, вот сейчас маска равнодушия на лице разгладилась, и от него буквально повеяло теплом. Спасибо, эмпатия, ты помогаешь мне понимать людей.

Персонал, конечно же, следит за нами по камерам, и тонкая женщина, которую я уже видел, бежит сюда, и на ее лице читается упрек. Она понимает, что рискует должностью, нарушая приказы владельца корпорации, но ее и правда волнует жизнь пациента. Гискон ведет себя достойно: кладет руки

ей на плечи и говорит:

– Спасибо, Рианна, за заботу о моей дочери. Поверь, это была необходимость. Сейчас ей ничего не угрожает, она спит.

Косясь на меня, врач, спрашивает о грядущей операции, а я сканирую женщину, мне интересно, с какого она уровня, и результат удивляет: Рианна Роу с пятого! Всего известно тридцать пунийских родов, допущенных на пятую ступень, восемнадцать великих и шесть величайших, в руках которых реальная власть. Раньше я думал, что пятый уровень обслуживают беты с четвертого, а оказалось, тут только пунийцы из менее успешных родов и рабы-гемоды, которым живется лучше, чем дельтам на втором. И еще где-то есть рабы, сами себя продавшие через сервис «В добрые руки».

А сейчас со мной, человеком без рода и племени, на равных разговаривает сам Эйзер Гискон, глава величайшего рода, и, похоже, настроен принять мою сторону. Он по-прежнему сканирует меня взглядом, не доверяет.

Врач, покачав головой, оставляет нас одних.

– Говоришь, тебе надо взглянуть на Боэтарха? Что ж, взглянешь, но прежде тебе нужно выполнить свою часть уговора.

– Усмирить толпу? Сделаю. Но прежде повидаюсь со своими людьми.

– Только наш разговор – строго между нами. Даже своим о нем не говори. Сопровождать тебя я не буду, чтоб не привле-

кать внимание, и обеспечить конфиденциальность при общении никто не сможет.

– Ясное дело. Каков план?

– Тебя освободили потому, что так хочет народ, – он презрительно кривится. – Скажешь толпе что-то типа: «Эти сволочи с верхних уровней больше не могут сдерживать народный гнев, и вот-вот начнутся погромы. Много наших погибнет, этого нельзя допустить». Примерно в этом ключе успокаиваешь своих. Потом полетишь к толпе, спичрайтер даст тебе текст. Хотя ты и так отлично справишься. Поблагодаришь толпу, расскажешь про справедливость и так далее. Они должны пойти за тобой, направить свой гнев с пользой. А дальше я помогу тебе организовать, раскроем пару-тройку громких преступлений, казним коррумпированных полицейских, и пусть недовольные гоняют филинских бандитов.

Делаю заметку, что великий род Филинов контролирует преступный мир. Эйзер, продолжает, сверкая глазами:

– Я останусь здесь. О нашем уговоре, а тем более о том, что митинги отчасти срежиссированы, точнее, направлены в нужное русло, никто не должен знать. Телохранители сопровождают тебя туда, где ожидают твои люди. Первого пилота зовут Лераттон, можешь полностью ему доверять.

Глава 3. Власть толпы

Пока летим, изучаю телохранителей, один оказывается жителем пятого уровня, но первой ступени, где обитают пунийцы из некогда великих родов, которым не удалось удержаться наверху. Похоже, пятый уровень – для пунийцев, обслуживают их бесправные рабы, а не беты и гаммы, если последние и есть, пока они на глаза мне не попались.

А вот Лераттон – бастард Эйзера, причем появившийся на свет гораздо раньше его официальных детей, он мой ровесник, ему тридцать один год. Интересно, известно ли ему, кем он приходится Эйзеру? Наверняка, он копия отца, такой же подтянутый, высокий, узколицый, только глаза не разные, а оба зеленые.

Черт! Я недопустимо мало знаю о пунийцах и о величайших родах, с которыми мне предстоит взаимодействовать. Известно, что родов, допущенных на пятую ступень, тридцать. Величайших, в чьих руках реальная власть – пять. Гисконы курируют нефтяные вышки на сабском полуострове, держат телевидение и средства массовой информации по всему миру, в эту область лезут родственнички Элиссы, Магоны, и даже создали два оппозиционных канала. Магоны владеют Уруссией, они – короли ресурсов. Боэтархи – это технологии: компьютеры, флаеры, оружие, в последней отрасли они конкурируют с Филинами. Барки, потомки вели-

кого Ганнибала – своего рода противовес Магонам, они владеют ресурсами мятежной Карталонии.

О менее влиятельных родах мне известно только то, что их еще двенадцать. Неплохо бы получить консультанта, который поможет лучше ориентироваться в витиеватых взаимоотношениях пунийцев, иначе я не смогу работать эффективно. На ум сразу же приходит гемод Рэй, скрывающийся на первой ступени. Вот кого бы перетащить сюда! Он и пунийскую систему хакнет. Буду идти к цели последовательно, сперва надо разобраться с моей командой, они, наверное, к расстрелу готовятся, с ума сходят.

Все время полета я пытаюсь воссоздать в голове карту и понять, куда меня везут. В пути мы провели минут пятнадцать, спустились на четвертый уровень, вторую ступень, и флаер залетел в открывшийся люк в стене ступени зиккура-та. После считывания информации с сетчатки Лераттона, на лифте опускаемся, похоже, аж на третий уровень к гаммам, где обстановка проще, и я чувствую себя уверенней.

Путь заканчивается в комнате, где спиной ко мне, потирая запястья, стоит... Надана. На ней изодранная борцовка и штаны с карманами – униформа полигона. В грязных волосах, торчащих в разные стороны – оранжевая пыль пустыни. На шелест открывающейся двери она оборачивается, и на ее лице злость сменяется удивлением, потом – радостью и снова удивлением. Дрогнув, ее губы растягиваются в улыбке.

– Леон? Твою мать, что происходит? Что с остальными?

Окидываю взглядом комнату, замечаю восемь камер, ко-
шусь на Лераттона. Обнимаю сбитую с толку Надану и шеп-
чу на ухо:

– Все позже. Нас пишат. – И говорю уже громче. – Я по-
стараюсь вытащить отсюда всех вас.

– Нас это кого? – Она кладет руки мне на плечи, загля-
дывает в глаза. – Что произошло? Лекс жив? Они взбелени-
лись, что ты захватил базу гемодов?

– Да. Лекс жив. – Обращаюсь к Лераттону: – Мне бы хо-
телось, чтобы вся команда собралась здесь, можно устроить?

Телохранитель, как и Эйзер, высокий, поджарый и блед-
ный, отворачивается от нас, говорит в коммуникатор:

– Задержанных на Полигоне – в допросную. Срочно. Да,
всех. Не обсуждается. Распоряжение Эйзера Гискона.

Надана забывает о правилах приличия и присвистывает.

– Хрена се! Этот чел тебя слушается? – Она щипает се-
бя за руку, мотает головой. – Бре-е-ед! Так что происходит,
Леон?

– Считай, что мы почти свободны. Все соберутся – рас-
скажу.

Удивляет, что Надана реагирует так вяло – или еще не
верит происходящему, или выгорела. Пока ждем остальных,
она рассказывает, что произошло на Полигоне: прилетели
полицейские на флаерах, связали ее и Лекса, зачитали обви-
нение в нарушении правил и увезли, поместили в одиночку
без окон и дверей, и она ничего не знает о судьбе остальных.

Ее не допрашивали, никто ничего не объяснял.

– Допустим, я виноват, – говорю на камеры. – Но вы-то при чем? Вас-то зачем арестовывать?

Она пожимает плечами, оборачивается на шелест отъезжающей двери и бросается на Лекса, целует его, нашептывая: «Слава богам, живой». Парень же смотрит на меня, хочет что-то спросить, но Надана сжимает его в объятиях, перетягивает внимание на себя.

Следующим, нервно озираясь, порог переступает маори Тейн, замирает, его брови взлетают, глаза округляются, губы растягиваются в улыбке, и белоснежные зубы контрастируют с коричневой кожей.

– Льеон?

Потеснив его, входит карталонец Вэра – как всегда фундаментальный и невозмутимый. Он будто и не рад своему освобождению, смотрит на меня в упор и спрашивает:

– Что тут происходит? Это очная ставка? – Он поворачивается к Лераттону. – Дознаватель?

Хлопаю в ладоши, чтобы привлечь внимание.

– Начнем с того, что я безумно рад вас видеть в целости и сохранности, и у меня только хорошие новости. Я вас отсюда вытащу, и очень скоро. У нас высокие рейтинги на шоу, и зрители очень недовольны тем, что нас задержали. Настолько недовольны, что вышли на улицы с требованиями признать нас победителями и освободить. – Надана отвешивает челюсть, даже о Лексе на миг забывает, Тейн продолжает

улыбаться, Вэра хмурится. Продолжаю: – Эйзер Гискон согласен выполнить их условия.

– Какие? – Вэра вскидывает бровь, не веря своим ушам.

– Освободить нас и дать то, что было обещано победителям. Все хорошо, расслабьтесь!

– Сам Гискон согласен? – прищуривается Лекс, зато Надана подпрыгивает с криком «Йо-хо», едва не ударившись головой о потолок.

Даже с Вэры слетает невозмутимость, он хлопает округлившимися глазами, собрав кожу на лбу гармошкой.

– Условие Эйзера: я успокаиваю толпу, он делает нас победителями Полигона.

Вэра все так же скептичен.

– Ты уверен, что получится?

К нам подходит Лераттон и молча включает коммуникатор, находит канал, где транслируется митинг, протягивает Вэре.

– Обратите внимание на транспаранты.

Карталонец смотрит в экран, оттопырив губу, и – неужели? – улыбается. Коммуникатор идет по кругу, к Надане попадает в последнюю очередь, и она говорит:

– Ты уверен, что они тебя послушают?

Беру из ее рук коммуникатор, возвращаю Лераттону. Я не могу им рассказать, что протесты отчасти срежиссированы, потому говорю максимально уверенным голосом:

– Все получится, уже почти получилось. Но вам придется

некоторое время провести здесь.

– Как заложникам? – интересуется Лекс.

– Нет. Просто пока нельзя светиться. Для людей мы – несчастные узники, и должно еще некоторое время оставаться так. Потом на нас обрушатся журналисты, и жизнь перевернется. Так что будьте готовы, и вот этого я не говорил. Поняли? Из нашего освобождения сделают шоу, вас предварительно проконсультируют. Будьте готовы. Все вопросы потом.

Вроде и тайну Гискона не выдал, и команду подготовил.

– Хрена се девки пляшут, – восклицает Надана. – народ, так ведь круто же! Вы прикиньте, мы таки победили! Леон, и все благодаря тебе. Это тебя зрители полюбили больше всех!

Вэра молча пожимает мне руку, стискивая ладонь. Улыбчивый Тейн подходит танцующей походкой, похлопывает по спине. Лекс сдержанно кивает и чуть поднимает уголки губ.

– Времени мало, – говорю я. – Мне пора лететь. Но скоро вернусь. Готовьтесь, работы предстоит много.

* * *

С высоты птичьего полета толпа напоминает бурлящую кашу. Я опускаюсь на парящей платформе в окружении охранных дронов, и однородная масса распадается на тысячи голов – лысых, темных, светлых, рыжих. Отдельные идиоты взяли с собой детей и посадили на плечи. Третий уровень,

благополучные гаммы вышли сказать свое «фе» пунийцам и замерли в ожидании чуда. По плану после выступления перед гаммами у меня более агрессивные дельты со второго уровня.

Обретя эмпатию, я научился улавливать малейшие колебания настроения, а сейчас ощущаю ярость раззадоренной толпы, пронизывающую насквозь. Напряжение достигло апогея и вот-вот выльется в погромы. Исчезла сила, сдерживающая ненависть, копившуюся веками, и Гискон рассчитывает, что прокладкой между пунийцами и остальным миром стану я. Как же он ошибается!

Среди этих людей наверняка есть вооруженные из того же братства Топора или провокаторы из преступных группировок, не заинтересованных в том, чтобы волнения прекращались. Потому, пока платформа не замечена, к толпе пикируют охранные дроны, управляемые операторами, и только потом спускаюсь я.

На мне самая последняя модель бронежилета, платформа на самом деле пять, объединенных в одну. Если в нее выстрелят из плазмогана, она распадется, и у меня появится шанс выжить, перепрыгнув на неповрежденный фрагмент.

На тридцатиметровой высоте платформу наконец замечают, внизу начинается оживление, запрокидываются головы, по толпе прокатывается рокот, где не различить отдельные слова. Я ощущаю азарт, подпитываюсь злостью, чтобы слова звучали убедительно. Платформа висит в середине пло-

щади возле традиционной статуи Ганнибала на слоне.

Правильнее было бы перебраться на слона, но остаюсь на платформе в целях безопасности. По сценарию Гискон уже обратился к людям по телевидению, признал свои ошибки и пообещал меня и мою команду признать победителями Полигона. Трансляцию я смотрел. Его агенты по моей просьбе выдвинули дополнительные требования: Надане, Лексу, Тейну и Вэре обеспечить гражданство на четвертом уровне – чтоб вселить надежду в толпу: отныне у выдающих гамм, бет и дельт появилась возможность перебраться уровнем выше. Последнее обещание Гискон выполнять не собирается, но у него свои планы, а у меня свои.

– По периметру чисто, – отчитывается Лераттон. – Пора начинать.

Платформа висит на уровне слона, чтоб меня было видно людям. Они убегают из-под ее дна, орут, тянут руки, слышу свое имя, лица озаряются радостью, словно я – избежавший казни их близкий родственник.

Чтобы меня было видно всем, дроны транслируют над площадью мою голограмму в пять человеческих ростов. Агенты, внедренные в толпу, по команде дружно скандируют:

– Ле-о-нард! Ле-о-нард!

Остальные подхватывают, и вот уже вся площадь ревет, тысячи глаз смотрят на меня. В этот же момент мои голограммы разворачиваются над остальными площадями, я

ведь не могу быть во всех местах одновременно.

– Эйзер Гискон сдержал обещание, – говорю усиленным динамиком голосом, моя речь транслируется дронами, чтобы было слышно всем. – Спасибо вам! И вот я на свободе. Многие из вас помнят, что я обещал. И теперь у меня есть возможность сдерживать обещания!

Ненависть толпы оборачивается обожанием, подогреваемый их верой, я говорю и говорю – о том, что полетят головы коррумпированных полицейских, простым людям не надо будет бояться, что кто-то похитит их детей. О том, что первым делом я разорю питомники, где детей выращивают на органы. Добьюсь того, что кастовая система рухнет, и каждому воздастся по заслугам.

– Отныне все равны! На первом уровне тоже люди, даже их нельзя убивать безнаказанно.

Как ни странно, последняя реплика вызывает мощнейший всплеск благодарности. Видя, что есть контакт со слушателями, заканчиваю речь:

– Среди вас есть провокаторы, готовые открыть огонь. Полицейские заинтересованы в том, чтобы беспорядки прекратились, если кто и будет стрелять – это провокаторы от преступных группировок. Те, кто хочет грабить и убивать. Чтобы не пролилась кровь, пожалуйста, расходитесь по домам. Я прослежу за тем, чтобы все требования были выполнены.

– Звездеж! Знаем мы вас! – орут в толпе. – Как всегда, пообещают и не сделают!

– Все мои действия будут транслироваться, Гискон обещал выделить отдельный канал. Следите за новостями. Они, – запрокидываю голову, глядя на пятую ступень, – боятся нас. Вы сделали так, что с нами теперь считаются. И если условия будут нарушены, мы снова выйдем на площади. Мы больше не бессловесная масса.

Вскидываю сжатый кулак, люди орут, делая так же.

– Нам предстоит колоссальная работа, но мы выстоим! И сделаем мир лучше. Пора расходиться по домам. Трудясь на благо каждого, вы тоже делаете мир лучше. Спасибо вам, друзья!

Подождав, пока закончится ликование, делаю знак, чтобы поднимали платформу. Охваченный азартом, не сразу замечаю, что медальон раскалится и жжет. Нажимаю на кнопку коммуникатора, переключаясь на внутренний канал связи:

– Опасность.

Доносится обеспокоенный голос:

– Где?

– Где-то рядом со мной. Быстрее поднимайте платформу!

Когда она поднимается метров на пять, среди толпы начинается оживление. С визгом шарахаются женщины, мужик в серой футболке выхватывает плазмоган, целясь в платформу, я тоже достаю пистолет, но понимаю, что враг меня опережает, а охранные дроны висят дальше и не могут поразить цель, не зацепив мирных.

В последнюю секунду парень в красной ветровке бьет про-

вокатора в висок. Заряд плазмогана приходится по слону внизу, и ударной волной переворачивает платформу, осыпая ее осколками, она распадается на пять частей, успеваю сгруппироваться, хватаюсь за край той, что оказалась ближе, но подтянуться, не перевернув маленькую платформу, не получается.

– Цел? – обеспокоенно спрашивает Лераттон.

– Цел. Опустить платформу!

Приземляюсь, и близстоящие люди с радостным ревом бросаются ко мне. Стрелявшего, видимо, уже обезвредили. Улыбаясь, пожимаю тянущиеся руки, хлопаю по спинам. Восторженная девчонка протягивает маркер, и я расписываюсь на ее блузке, потом – на сумке старушки, на руках, щеках, платках, салфетках, одежде. Позади стоящие напевают, им тоже хочется быть причастными к рождению нового мира.

– Ты в порядке? – звучит из динамика в ухе.

– Да. Три минуты, – отвечаю я, не прекращая улыбаться и раздавать автографы.

Утомившись, даю команду, чтоб снижали платформу, но люди виснут по ее краям, не давая ей взлететь, и приходится подниматься на маленькой центральной, а на остальные взбираются митингующие.

– Что делать? – звучит в ухе растерянный голос.

– Катайте народ, пусть празднуют, развлекаются. Дальше все по плану.

На четвертом уровне пересаживаюсь на такую же платформу и отправляюсь к дельтам на второй, на родину, так сказать. Хотя тут народ более голодный, злости больше и атмосфера помощнее, мне не удастся попасть в струю и сказать так же зажигательно, потому что я нахожусь на площади примерно в двух километрах от дома Помпилиев, и все мысли об Элиссе. Я уверен, что она ждет меня и сейчас смотрит трансляцию, а я не могу подать ей знак. Встретиться тем более не могу, я сейчас на виду, пойти к ней – все равно, что подставить ее под удар. Меня будут стараться отследить и ликвидировать – как люди Боэтарха, так и отморозки из братства Топора, никто не должен знать, что у меня есть слабое место. Наверх забрать Элиссу тоже невозможно: ее сразу же казнят из-за того происхождения с Боэтархом, и даже я не смогу помочь. Поймет ли она, что я не забыл о ней, получив власть?

Следом пришла мысль о моей стае. Пока я купаюсь в роскоши, Гитель и мои подопечные питаются синтетической дрянью, и нужно будет устроить пару благотворительных миссий на первый уровень, к черноротым. Или все изменилось. Трикстеры считают меня предателем и попытаются сдать, ведь пытались же они меня убить, когда я защищал Элиссу. Гитель, скорее всего, лояльна, обязательно надо с

ней встретиться и объяснить, что я не враг.

Здесь дронов больше, как и провокаторов, но удастся ликвидировать троих, не допустив кровопролития. Четвертый взрывает себя вместе с гранатой уже после того, как я советую людям расходиться по домам, и они внимают.

В итоге трое тяжелораненых и двое убитых. Платформа несет меня вверх, и обзор закрывает текст программы:

Ты предотвратил цепочку событий, способную повлечь множество смертей. Деяние приравнивается к предотвращению преступления третьей степени сложности.

Осталось предотвратить преступлений: 297.

Ничего себе! Преступления третьей степени сложности идут одно за десять, благодаря Танит все мои достижения умножаются на пять, и я сходу получил 50 преступлений, по сути, ни за что! А впереди питомники, коррумпированные копы, так я за месяц прокачаюсь до конца, и что тогда?

Уже во флаере включаю коммуникатор в режиме видео и делаю три голографические проекции с площадей, где были протесты. Там шатаются группы выпившей молодежи и присматривающие за ними полицейские. Остальные разошлись по домам. Так Гискон с моей помощью спас Новый Карфаген от революции, и наверняка среди своих стал героем.

Можно было кинуть его и возглавить протестное движение, но тогда пролилось бы море крови и не факт, что уда-

лось бы перехватить инициативу, ведь митинги управляются Гисконом. Если действовать поэтапно, я подомну под себя полицию, займею агентов на четвертом уровне, прокачаюсь, и, когда придет время, опрокину пунийцев одним ударом, и потери среди мирных будут минимальными.

Мой путь лежал сперва в тюрьму к моей команде, затем на телевидение, где мне предстояло ответить на множество вопросов и представить план действий на будущее. Но пока я в полете, есть время для того, чтобы разобраться в себе, то есть с программой, а то после активации некоторых способностей в красной зоне сам запутался, что работает сейчас, а что нет, и как быстро способность можно применять снова. Итак, что я знаю о человеке и могу делать:

– *Имя, фамилия, возраст; по запросу – сведения о детях и родителях.*

– *Уровень, ступень проживания (по рождению), фактический уровень и ступень проживания без точного адреса – по запросу.*

– *Основной вид деятельности; дополнительные виды деятельности + степень тяжести участия в противоправных действиях – по запросу.*

– *Физическое развитие; по запросу – сила, ловкость, выносливость в цифровой конвертации.*

– *По запросу: вес, рост.*

– *Духовное развитие; по запросу – религиозная принадлежность, пси-способности, интеллект.*

– *С получением второго осколка Сферы познания*

тебе доступна информация о заблокированных паранормальных способностях человека а так же Касание Танит, позволяющее снимать блок.

Незаменимая штука оказалась. У любого, отрекшегося от Ваала, есть скрытые паранормальные способности, которые я могу разблокировать. В итоге у меня будет команда преданных суперов, осталось понять, как прокачивать их способности до максимума.

– Прогноз поединка; по запросу – оптимальный вариант ведения боя.

На эту способность я рассчитывал во время боя на арене пять на пять, но события развивались так стремительно, что не успел ею воспользоваться.

– Отношение. Без запроса – подсветка силуэта. По запросу – цифровая конвертация эмоций: ненависть (0–3), неприязнь (4–6), раздражение (7–9), равнодушие (10–12), интерес (13–15), симпатия (16–18), уважение (19–20).

– Здоровье в цифровой конвертации.

– По запросу – причины заболевания, прогноз на ближайшее будущее, пути устранения патологий (повреждений).

Еще раз перечитываю описание умений, которые дал второй осколок Сферы познания, и не нахожу там способности исцелять, тру переносицу и вспоминаю, что она проявилась спонтанно и, очевидно, «пути устранения патологий» – она

и есть. Повторно ее применять можно через пять дней, на Полигоне время сократилось до двух суток, теперь все вернулось на круги своя. Такой же срок действия у ускорения, спасшего меня в бою, – пять дней.

Но еще есть способности от Таниг:

– *Крылья Ветра* (каждое твоё новое достижения умножается на 5);

– *Освобождение* (нигилируются любые воздействия, подавляющие волю или навязывающие чужую волю). Умение доступно при получении второго осколка Сферы познания;

– *Целительное Прикосновение* (способность снимать проклятия и любые воздействия, ведущие к смерти, болезни человека). Умение доступно при получении третьего осколка Сферы познания;

Вот что мне нужно для исцеления дочери Эйзера Гискона. Остается раскрыть всего пятьдесят преступлений, а учитывая Крылья Ветра, умножающие их на пять, – десять, и способность мне откроется. Что еще откроется, непонятно, это всегда сюрприз.

– *Печать Судьи* (право самолично определять степень вины преступника, выбирать меру пресечения и приводить в исполнение приговор). Умение доступно при получении четвертого осколка Сферы познания.

Ну, и мои характеристики:

Сила: 15.

Ловкость: 15.

Выносливость: 15.

Духовное развитие: 9.

Интеллект: 13.

Здоровье: 18.

Паранормальные способности: техно-магия (5).

Усмехаюсь. И снова я неравномерно прокачан, в изменившихся условиях нужно развивать интеллект, чтобы распутывать хитросплетения великосветских интриг. У того же Гискона интеллект на четыре единицы больше.

Или лучше вкидывать очки характеристик в техно-магию? Крайне полезная штука, это благодаря ей я вижу следящие устройства. А уж как здорово управлять механизмами на расстоянии, что я неоднократно делал на Полигоне.

Флаер качнулся – мы приземлились. Теперь мне нужно встретиться с командой и разработать стратегию на ближайшее будущее, обговорить, что будем отвечать на пресс-конференции. На все про все у нас полтора часа.

Интерлюдия. Гамилькар Боэтарх

Жесткость бывшего тестя, Армадона Филина, граничащая с жестокостью, всегда вызывала у Гамилькара уважение. А поскольку часто, если не сказать всегда, интересы рода Филинов лежали в уважение сменялось досадой, ведь с таким человеком выгоднее играть на одном поле. Когда Ирма была жива, Армадон через нее пытался продавить свои интересы, теперь же приходилось иметь дела с зятем напрямую. И Гамилькар в сотый раз похвалил себя за то, что избавился от жены.

Ее смерть выглядела естественной: у женщины обнаружилась неоперабельная меланома с метастазами по всему организму. Внутреннее кровотечение, два дня в реанимации – и прощай, лицемерная Ирма.

Армадон рыдал над телом дочери, как ребенок, но уже через два часа, когда ее предали огню, проговорил: «Ваалу – ваалово» – и вел себя как ни в чем не бывало. Прошло девять дней, но он о ней не вспомнил ни разу.

Официально главой рода считался Гелибаал Филин, но старику почти девяносто, он частично потерял разум, потому на семейном совете решили, что главным будет Армадон. Ему было плевать на общественное мнение, и встрепанный, седой, этот мощный мужчина, которому через пять лет семьдесят, больше напоминал главаря банды, чем аристо.

Крупная золотая серьга в правом ухе блестела бриллиантовой крошкой.

Встреча проходила в комнате без окон, где, как уверял хозяин, глушатся сигналы. Голос Ваала подсказал, что разговор записывается, потому Гамилькар подбирал слова осторожно. Неизвестно, что будет завтра, партнер может стать злейшим врагом, но если обкатка новой способности, дарованной Ваалом, пройдет успешно, он обретет преданного последователя.

– Ты обещал погромы, – прищурившись, говорит Гамилькар. – Но что я вижу? Плебеи расходятся по домам.

Армадон пожимает плечами:

– Меня переиграли. Я не рассчитывал, что кто-то в сила перехватить эстафету. – Он усмехается, глаза его горят. – И это красиво!

Гамилькар тоже растягивает губы в подобии улыбки.

– Ты слышал, что говорит Тальпаллис, за которого они митинговали? Подумай, что будет, если он сдержит обещания.

Собеседник запрокидывает голову и совершенно искренне хохочет. Отсмеявшись, говорит с нотками снисхождения:

– Гамилькар, я заметил, что ты тяжело переживаешь смерть Ирмы, ты очень изменился с тех пор, глаза нездорово блестят. Отпусти ситуацию! Что ты как маленький. Нас переиграли, бывает. Переиграли так красиво, что впору бы поучиться. Что до обещаний этого... Он первый, что ли? Его

хорошо подготовили, Гисконы молодцы! Планировать стали сразу после смерти Белого Судьи, предвидели беспорядки и дали плебейам то, что они хотят. Это ж цепной пес, будет на публику работать, для того его и раскручивали.

Гамилькар зажмуривается и сжимает челюсти. Если бы они знали то, что знает он! Знает, но не может сказать, потому что его доводы похожи на бред безумного. Голос Ваала шелестит, что не стоит срывать, всему свое время. Филин пригодится, когда Враг начнет выполнять обещания, а запись этого разговора докажет, что Армадон внял железным аргументам, а не действует по принуждению.

– Гисконы знают, где чья территория, и на мою не сунутся.

Вот оно, время для железных аргументов! Начинает Гамилькар издалека:

– Знают. Но, если ты еще не заметил, начался передел. У Гисконов полыхают вышки на Сабанском¹ полуострова – думаешь, просто так?

– Везде все полыхает, – отмахивается Армадон, его глаза горят, он счастлив, что наступило время, когда руками преступников, подконтрольных его людям, он может творить, что заблагорассудится. – Или ты думаешь...

– Думаю, что кому-то, а если быть точнее – Магонам, интересны их нефтяные вышки, и твою стратегию многие переняли: проще сделать что-либо чужими руками и не запятнать репутацию. Вот Магоны, примерно как ты, подключили

¹ Аравийский полуостров

своих провокаторов и подняли восстание. Выкинут оттуда Гисконов, и все утихнет. Или просто подомнут, с их-то армией головорезов, а у Гисконов боевиков нет, – Гамилькар берет паузу, победно улыбаясь, и бывший тесть заглатывает наживку.

– Ты хочешь сказать, что Эйзер создаст собственную армию?

– Не прошло и года, как до тебя дошло! Он уже залез на твою территорию и отрезал огромный кусок. Да что там – он весь кусок отрезал, потому что все рядовые полицейские, работяги и даже домохозяйки видят в Тальпаллисе спасителя. И если они все пойдут за ним... Представь: все! Да они руками разорвут твоих беспредельщиков. Ты слушал, что он говорил на пресс-конференции?

– Ну-у-у, – Армадон сводит брови у переносицы и чешет лоб.

– Понятно, не слушал. Это не игра, дорогой тесть, – Гамилькар достает коммуникатор. – Выключай глушилку, кое-что тебе покажу.

Он выводит голопроекцию на середину комнаты. Молодой мужчина, небритый, с космами разной длины сидит на стуле, опершись руками на колени и сплетя пальцы. Смотрит он не в камеру, а перед собой.

– Вот герой сегодняшнего, а так же завтрашнего и всех последующих дней. Леонард Тальпаллис, кровник братства Топора, борец с черными трансплантологами и террориста-

ми.

Невидимая журналистка спрашивает:

– Завтра вы получите микрочип обитателя четвертого уровня. Но как вы планируете выполнить обещания? Разве реально обезглавить преступность за столь короткое время? Как вы вычислите коррумпированных полицейских, вовлеченных в преступные схемы?

– Поверьте, реально, но – при желании. У меня оно есть, и будет уровень доступа четвертого уровня. Результат вы увидите в течение месяца, я и моя команда приступим к работе уже завтра. Еще раз хочу сказать спасибо всем, кто меня поддержал и поверил мне.

Тальпаллис поднимает голову, смотрит в камеру, а Гамилькару кажется – на него, будто холодные пальцы сжимают горло, и нечем дышать. «Упустил, когда достать его было легко, – шепчет Ваал в голове. – Теперь к нему не подобраться, ты все делаешь правильно, но он ускользает от смерти усилиями Танит, однако ее сила ограничена. Я помогу тебе. Сила за силу».

– Он это сделает, – продолжает Гамилькар. – Даже не сомневайся.

Армадон все так же беззаботен и весел.

– Мои люди им займутся. Получат специальное распоряжение.

– Желаю удачи. Но предупреждаю: я пытался, и не раз, но Тальпаллис непонятным образом ускользает от смерти.

Гамилькар поднимается и направляется к выходу, но Армадон рывкает:

– Стой! – Бозтарх оборачивается возле самой двери. – Ты пытался его убрать и не смог? С твоим-то ресурсом? Еще когда Гисконы только начали его раскручивать? То есть ты знал об их планах? – Он аплодирует стоя. – Преклоняю голову перед сетью твоих информаторов!

– Рад, что ты меня услышал, но мне действительно пора.

– Минуту. Гамилькар, я тебя слишком хорошо знаю, чтобы поверить в твою озабоченность моим положением. Пожертвовал временем, пришел, совершенно бескорыстно показал, как нехорошие Гисконы хотят отобрать у меня кусок пирога. Какой твой интерес в этом деле? Не успокоюсь, пока не докопаюсь.

Тяжело вздохнув, Гамилькар возвращается, упершись в стол, смотрит на тестя в упор.

– Меня поражает ваша слепота. Мир рушится. Карталония откололась и едва не истребила род великого Ганнибала! Скоро независимость объявит еще и Китай. Плебеи бунтуют, а мы перетягиваем простыню друг на друга вместо того, чтобы навести порядок. Да, интерес есть. Я хочу, чтобы мой союзник был сильным. И буду делать все, чтобы объединить великие роды под дланью Ваала, сохранить нынешнее положение дел и стереть с лица земли тех, кто ведет мир к гибели. Как вы не понимаете, что это не шутки!

Армадон слушает его с полуулыбкой, думая о том, что

в словах его фанатичного зятя есть доля истины, но когда понимает, что не в силах отвести взгляда, его охватывает злость, бьется в коконе бессилия, и Армадон Филин, который стрелял в людей в упор, пытал, живьем сдирал кожу с неговорчивых, еще когда не изобрели сыворотку правды, впервые за свою сознательную жизнь испытывает животный ужас жертвы перед хищником.

Привычные интонации сменяются многоголосым шепотом, впечатывающим слова в мозг. В глазах Гамилькара будто бы плещется чернота, заволакивает радужку, зрачок – и вот уже два бездонных черных провала взирают на Армадона, высасывают его мысли, чувства...

Мгновение – и Гамилькар становится собой, отходит на шаг. Армадон растерянно моргает, пытается ухватить ускользающую мысль, но она истаивает, остается облачко тумана, скрывающее то ужасное, что с ним произошло.

Гамилькару нужно убедиться, что Армадон на крючке, и он спрашивает:

– Тебе плохо? Что с тобой?

Армадон мотает головой и придает лицу беззаботное выражение.

– Я тебя услышал, Гамилькар. Тальпаллис будет мертв.

* * *

Гамилькар научился отличать собственные мысли от голо-

са Ваала, звучащего в его голове. Поначалу чужая воля пугала его, но чем меньше он сопротивлялся божественной воле, тем больше получал. Помимо способности убивать касанием, Гамилькар научился влиять на людей. Достаточно, чтобы объект был культистом Ваала. Активируемая Гамилькаром частичка бога пробуждалась и брала под контроль разум, передавая волю Ваала.

Одного Гамилькар не понимал до сих пор: почему Ваал не вмешается напрямую? Под грозовые раскаты не явит свой грозный лик, как, судя по легендам, он делал раньше. Что же мешает сейчас?

Ответ он получает мыслями, так похожими на собственные: «Мир пластичен, как пластилин. Раньше разумные были тенями, теперь обрели волю и научились влиять на ход времени, стали сильнее, и не за горами хаос. Нужно больше веры, чтобы призвать высшую сущность. Реальность затвердела, не пробиться».

«Что делать мне?» – мысленно спрашивает Гамилькар, задавая пилоту курс.

«Меньше влияния Танит. Мешает. Меньше влияния иноверцев – раскачивают. Уничтожить их последователей. Вряд ли получится сразу. Хотя бы – храмы. Уничтожить теневого преемника в первую очередь. Это хребет хаоса». Кто такой теновой преемник, Гамилькар понимает сразу, формирует мысленное послание: «Если разрушу храмы, у преемника будет меньше защиты. Как устранить язычников, знаю.

Точнее, большую часть, тех, кто далеко. Как раскатать врагов внутри Карфагена, тоже знаю».

«Ты уже начал действовать. Используй новую способность. Мне нужны жертвы. Больше жертв – больше вера. Твой сын Никомед». Гамилькар вздрагивает. Он предвидел, что рано или поздно Ваал потребует Ника, но не думал, что это случится так скоро, потому мысленно отодвигал этот момент.

Человеческая суть Гамилькара восстала, ведь Ник – единственный, кто любит его, и последнее, чем он дорожит. Старшие уже подростки, а подростки воспринимают родителей в штыки. «Ты получишь благословение бога, – вкрадчиво шелестит в голове. – Это последняя жертва, которую я попрошу, а получишь ты много больше. У меня появятся силы, чтоб наделить тебя умением влиять на группу до ста человек. Представляешь, сколько ты получишь верных последователей, готовых отдать за тебя жизнь?»

Гамилькар сжимает кулаки. В его душе поднимается волна протеста, несется на стену, чтоб вырваться, разрушить ее. Ударяет – и рассыпалась брызгами. Невидимая заботливая ладонь касается разума – и не остается сожаления, лишь принятие неизбежного.

Ник тяжело переживал смерть матери, и Гамилькар отправил его в Пафос, под опеку бездетной сестры. Она потеряла мужа и сына, чуть тронулась умом и посвятила себя служению Танит. Можно начать зачистки прямо с Пафоса, где

большая часть жрецов и главный храм, но прежде – инициировать беспорядки руками беспредельщиков, курируемых Филинами, иначе общественность осудит.

Зато когда Гамилькар обретет дар влиять на волю не одного человека, а толпы... Он улыбается, представляя, как произносит обращение в Совете, и никто не смеет ему перечить.

Глава 4. Бета

Лежа лицом вниз на белоснежной кушетке, смотрю на светящийся стерильный пол. Шелестит одежда врачей, едва жужжит имплантатор. Легкое касание затылка – по коже разливается приятное тепло, я не чувствую, как мне вводят чип.

До того как начать процедуру, мне показали крошечную бусину размером со зрачок и объяснили, что крепиться он будет к затылочной кости, боли я не почувствую, как и неприятных ощущений после. Пиратский чип извлекли и утилизировали.

В это же время чипизацию проходят мои соратники, но прежде, чем выпустить в люди, нам создают биопаспорт: делают трехмерную модель образа, записывают голос, сканируют сетчатку, снимают отпечатки пальцев, обрабатывают данные и отправляют в базовые хранилища. При идентификации объекта информация берется минимум из трех хранилищ, а она происходит каждый раз, когда человек открывает дверь, куда вмонтирован сканер.

Вспоминается, как, ничего этого не зная, я хотел обратиться к бетам за Мелиаром Делла. Достаточно было оказаться возле сканера, а они тут повсюду, и меня схватили бы.

Ожидаю я в отдельном кабинете. Чтобы не терять время, приходят парикмахер со стилистом – я ведь медиаперсона, и сегодня вечером будет программа, посвященная Полиго-

ну, где мне вручат обещанный миллион. Но запрещаю проводить манипуляции с внешностью – приведу себя в порядок после шоу, мне не нужно быть узнаваемым.

После того, как биопаспорт готов, иду в комнату ожидания, где уже сидит за круглым столом Тейн, растопырив колени. Я не вправе удерживать никого из них, если захочет, Тейн вернется к себе на остров, пока парень в раздумьях. Мне бы не хотелось терять никого из них, мы отлично сработались, и я доверяю каждому.

– Обалдеть, – сверкая глазами, восклицает он, потирает затылок. – Я теперь бета! Леон, если бы не ты, кормил бы я червей в пустыне...

Входит Вэра и заявляет с порога:

– Леон, ты спрашивал, какие у меня планы и не собираюсь ли я вернуться в Карталонию, – он смолкает и смотрит с вызовом. – Если нужна моя помощь, я останусь здесь. Только ради того, чтобы примирить Карталонию и Карфаген. Раньше думал, что мир между нами невозможен, но... Есть и другие пунийцы, такие, как ты, и можно вести диалог.

Он садится напротив и замирает.

– Ты нужен мне, Вэра. Нужен каждый преданный человек.

Лекс и Надана пересекают порог друг за другом, усаживаются.

– Малый совет, – потирает руки Надана. – Мы теперь крутые, ух! И публичные персоны. Я постараюсь быть не столь... эээ... импульсивной.

– И экспрессивной, – дополняет Лекс.

– Как я понял, – улыбаюсь, – команда в сборе. Тейн?

– Я с вами.

Глаза Наданы блестят, она готова броситься в бой прямо сейчас и восклицает:

– Нас ждут великие дела! Так что у нас по плану?

Не в силах усидеть на месте, она ерзает на стуле, перебирает пальцами. Обвожу взглядом команду. Хорошо, что Вэра остался, его сверхспособность, проснувшаяся после лечения – суггестия, он может навязывать свою волю. Пусть и развита она пока на троечку, и оратор он так себе, но попробую его прокачать. Надана тоже незаменима с ее телепатией, им бы в связке работать. Лекс с его логическими способностями будет моим замом, и скорочтение его сгодится. Осталось придумать занятие для Тейна, его способность контролировать животных здесь бессмысленна.

– Всем коммуникаторы раздали? – демонстрирую свой. – Все разобрались в функционале? Если нет, это нормально, не стесняйтесь признаваться. Нам предстоит привыкать ко многим вещам.

– У меня похожий лопатник был дома, – говорит Тейн. – Но без голосвязи, да и вообще без связи, а тут – фантастика просто! Но в общем понятно.

– Просто у бет и выше везде стоят передатчики, позволяющие поддерживать беспроводную связь с помощью радиоволн, – объясняет Лекс.

– Вэра, Надана? – интересуюсь я. – Нам придется все время поддерживать связь, кроме моментов, когда мы спускаемся ниже уровнями и входим в зиккурат. Снаружи связь все время есть.

– Я им объясню, – берет на себя обязанность Лекс. – Что с нашим планом? Ты все расписал?

– Прежде нужно пригласить Лераттона, он наш главный координатор и голос Гискона, поскольку Эйзеру все время находиться с нами не по статусу.

Делаю вызов Лераттону, а сам оглядываю помещение в поисках следящих устройств: как и обещал Гискон – чисто. О том, что бунты были срежиссированы Гисконом, но следует держать рты на замке, я своим рассказал – во избежание недоразумений в дальнейшем.

Лераттон приходит сразу же, садится напротив меня, опершись локтями о стеклянную столешницу, и переходит к делу:

– Первая повестка: ваше обустройство на четвертом уровне, седьмой ступени. Как предполагает контракт, Леонарду будет выдан миллион шекелей, соратникам – по сто тысяч. По личному распоряжению Эйзера Гискона каждому в личное пользование выделены апартаменты в охраняемом жилом комплексе рядом друг от друга, личный флаер и одного гемода раба или рабыню на выбор – для ускорения процесса адаптации. Вторая повестка: проект «Опора», – он включает коммуникатор и зачитывает: – Создание ведом-

ства, неподконтрольного имеющимся силовым структурам, со списком расширенных полномочий, адаптированного под запросы нового времени.

Как я понял, у Эйзера проблемы с нефтяными вышками, аборигены устраивают бунты и саботируют их работу, а Гискон позиционирует себя как мирный род, не имеющий неподконтрольных силовых формирований, и защитить собственность они не могут, потому что военные заняты подавлением бунтов в других горячих точках. Потому мое предложение создать силовой блок Гискон воспринял на ура, у него аж отношение ко мне сменилось с равнодушия на интерес. Так я дам Гискону то, что нужно ему, он – то, что нужно мне.

– Список полномочий должен быть одобрен советом генералов, Эйзер Гискон заверил, что в сложившихся условиях проблем с этим не будет, силовикам нужны единомышленники, и никому в высших эшелонах власти не нравится то, что происходит внизу. Кадровый состав ведомства формирует Леонард Тальпаллис. – Лераттон в упор смотрит на меня. – Но создание ведомства с разветвленной структурой требует материальных вложений и отдельной статьи в бюджете, сегодня состоится внеочередное заседание Совета, где будет обсуждаться внесение поправок в бюджет. Поскольку создание «Опоры» – событие, напрямую влияющее на общество, то для ее лидера выделено место в Совете, во второй ложе. На постоянной основе.

Монотонная речь Лераттона ввергла Надану и Тейна в

тоску, они едва подавляли зевоту. Лекс же напрягся, собрался, как хищник перед прыжком, его узкие глаза сияют и расширяются все шире.

Наконец Лераттон смолкает, окидывает нас взглядом, ожидая вопросов, и я, не веря своим ушам, уточняю:

– Мне выделяют место в Совете?

Лераттон кивает.

– Большинство великих родов благодарны тебе за бескровное решение проблемы с бунтами и погромами, и они охотно выслушают твоё предложение. Спичрайтер уже подготовил текст, скидываю его тебе на коммуникатор. Второй файл – список полномочий и советы наших аналитиков по внедрению «Опоры» в силовые структуры, кадровая политика и так далее. Обращаю внимание, что отступать от написанного спичрайтерами не рекомендуется: способы управления нижними одни, а у власть имущих цели совсем другие, и, чтобы создание ведомства одобрили, нужно расположить аристо к себе.

Завертелось так завертелось! Не ожидал, что события будут развиваться так стремительно. Значит, завтра буду заниматься организационными вопросами, а сегодня – вращаться в высшем свете, а значит, придется принять облик приличного законопослушного гражданина. И только послезавтра у меня появится возможность свободно перемещаться, и можно будет попробовать встретиться с Элиссой. Если бы ее жизни не угрожал сам Гамилькар Бэтарх, я первым делом

вызвал бы девушку сюда, потому что больше всего на свете мне хочется увидеть – ее. Но приходится скрываться.

Бозтарх... А ведь он будет на Совете, и я смогу его изучить, понять, насколько он опасен. Это даже важнее, чем сагитировать пунийцев создать «Опору».

– Когда заседание Совета? – спрашиваю у Лераттона.

– Через три с половиной часа.

– Успеваю. Лекс, скидываю тебе и всем остальным программу развития, подумайте вместе, что с этим можно сделать. Лераттон, огромная просьба: выпишите пропуск журналистке Мариам Линн, третий уровень. Возможно устроить?

– Без труда.

– Отлично, – поднимаюсь. – Лераттон, полировщики ногтей уже ушли? Не хотелось этого делать, но придется.

– Нет, ждут. Пока будет заседание Совета, ваши соратники отправятся в новый дом.

– Хорошо. Напомни, награждение на тиви во сколько?

– В семь вечера.

Окидываю взглядом свою команду.

– Заседание, как я понял, может затянуться? В любом случае – до вечера. Постарайтесь не податься во все тяжкие.

– Ты вообще прям как босс, – восторженно выдыхает Надана. – Такой важный, серьезный!

– Учись, – то ли ворчит, то ли шутит Лекс. – Здесь всем правят лицемерие и хитрость.

– И деньги, – вставая, дополняет Лераттон. – Для простоты общения называйте меня просто – Ра.

Я еще не открывал речь, написанную для Совета, но уже знаю, что там. Что ж, для достижения своей цели побуду лицемерным политиком.

Но главное – не моя речь, а то, что там будет Боэтарх. При одной мысли о нем кулаки сжимаются. Наконец я увижу его вблизи, и мы будем на равных... Или нет? Или он обрел новые способности, и мне опасно с ним встречаться? Взять хотя бы его умение насылать смертельные болезни. Вдруг и со мной так будет, если и останусь живым после выступления, то на следующий день заболēju, и смерть моя будет выглядеть естественной.

Ни один гамма и ниже не был удостоен чести получить место в Совете, я не имею права отказаться от выступления. Но и не имею права рисковать своей жизнью. Хотя все, что я умею делать отменно – рисковать и выигрывать.

Приходит мысль, как окончательно убедить Гискона в моей правоте, даже если не удастся пережить совещание.

– Лераттон... то есть Ра, можно ли до выступления в Совете пройти полную диагностику организма? Только не спрашивай зачем.

Породистое лицо бастарда Гискона вытягивается.

– Да, можно здесь. Это займет от силы полчаса.

– Тогда сначала это, потом стилисты и все остальное.

Будь что будет. Появись у меня внезапная болезнь, это

хоть т не докажет причастность Боэтарха, но просигнализирует, чтобы обратили внимание на то, что многие люди из его окружения умерли внезапной смертью смертью. Уверен, если копнуть в этом направлении, можно найти много интересного.

Скоро станет ясно, насколько и для кого опасен Боэтарх.

Глава 5. Лицом к лицу

Совет располагается на шестой ступни пятого уровня, в самом ее сердце. По просьбе Гискона меня сопровождает Ра – чтобы я не заплутал и нашел свое место. На мне черный кардиган, а под ним – бронежилет, тоже инициатива Гискона.

Поначалу дергаюсь возле каждого сканера – все не могу привыкнуть, что теперь я легализован и меня не разоблачат. Коридоры пустынные, изредка попадаются красивые статные люди в воздушных одеяниях. У каждой женщины королевская осанка и безупречный макияж, практически все подтянуты и моложавы даже в преклонном возрасте.

Останавливаемся возле очередной двери, где с двух сторон стоят охранники-гемоды: физическое развитие 19 у обоих, да это просто звери! Сдаем оружие, затем проходим идентификацию дольше обычного, а я все думаю, обезоружили ли моего врага и будут ли сюрпризы во время моего выступления.

Идем вместе и дальше. Стараюсь не глазеть по сторонам. Несмотря на то, что со мной поработали стилисты, чувствую себя не в своей тарелке. Сканирую идущего впереди широкоплечего мужчину: он бета, идущий впереди него – тоже. Слышал, что в Совет входят выдающиеся беты и гаммы, но их немного. Остальные места занимают пунийцы.

– Сегодня заседание урезанным составом, – напоминает Ра. – Тридцать пунийцев, десять бет – генералы, три гаммы и ты. Плюс суфий – отдельная боевая единица. Расширенные Советы проходят в большом зале, он находится тут неподалеку. – Мы останавливаемся на перекрестке, Ра говорит: – Слева. Нам надо в другую сторону.

Здесь вдоль стен стоят... Я бы назвал их спецназовцами: все пунийцы, у всех физическое развитие не ниже 16 и полный арсенал оружия: от плазмоганов до ножей, которые программа тоже подсвечивает. Шепотом спрашиваю:

– Разоружают всех?

– В том числе пунийцев, – отвечает Ра.

Еще одна дверь отъезжает в сторону, и мы оказываемся наверху трехступенчатого амфитеатра: шесть кресел внизу, двенадцать выше, на третьем ярусе – больше двадцати, четвертый самый широкий, но тут почти все места свободны.

Гискон уже на месте. Рядом с ним – взъерошенный пожилой мужчина с седо-черной бородой и серьгой в ухе, Армадон Филин. Возле каждого кресла – раскладной столик с выдвижными стаканами и напитками на любой вкус, кроме, полагаю, алкогольных. Спиной ко мне повернут Ульпиан Магон, дед моей Элиссы, и Баальбен Барка. Гамилькара Боэтарха среди них пока нет, хотя до начала заседания осталось семь минут.

– Все беты уже на месте, – говорит Ра. – Выбирай любое место в четвертом ряду, осталось много свободных. В боль-

шом зале все как сто лет назад: говорящий выезжает к трибуне на монорельсе. Здесь ты полетишь в центр на платформе.

– Спасибо, Ра.

Десять генералов скучковались и сидят далеко от места, где я стою, гаммы собрались напротив бет, особняком. Занимаю место возле лестницы вниз, Ра уходит. Скольжу взглядом по вооруженной охране, стоящей по периметру, вверху насчитываю десять крупных охранных дронов с пулеметными турелями и столько же тех, что ведут съемку. Боэтарх должен появиться снизу, пунийцы не пересекаются с бетами, даже когда идут на заседание.

Гискон запрокидывает голову, и наши взгляды встречаются, он едва заметно кивает. Нажимаю на кнопку, чтоб разложить стол с напитками, наливаю себе воды – в горле пересохло.

В середине амфитеатра в воздухе висят огромные цифры часов. Когда до четырнадцати ноль-ноль остается тридцать секунд, внизу открывается дверь, выпуская Гамилькара Боэтарха. Он шагает на свое место рядом с Армадоном Филином напротив меня. Слишком далеко, не считываются данные. Сделаю это, когда вылечу в середину амфитеатра перед тем, как произносить речь.

Секундомер отсчитывает последние мгновения, и цифры взрываются осколками, голограмма исчезает, снизу на летающей платформе поднимается суфий из рода великого Ганнибала и зачитывает программу, вынесенную на рассмотре-

ние: провозглашение независимости Карталонии и Китая, зарождающиеся национальные бунты по всей земле, волнения в Новом Карфагене, создание нового силового ведомства. Значит, мое выступление будет в самом конце, что ж, послушаю, что у них тут происходит.

Все присутствующие нажимают зеленую кнопку на подлокотниках, и заседание начинается. Сперва суфий рассказывает историю, что бунты в Карталонии начались с расстрела демонстрантов, пытавшихся штурмовать здание полиции, потом пошло-поехало: первый уровень вышел из-под контроля, истребили полицейских и служащих, бунтовщикам отрезали снабжение, и они разбежались по лесам либо полезли к гаммам, где их поддержали. Карталонцы военные перешли на сторону своего народа, полицейские тоже, а так же большинство генералов-бет.

В это время подоспела подмога из Карфагена, военные и полиция вступили в противодействие с местными и были повержены. Всю пятую ступень, а это в основном владеющие Карталонией Барки, эвакуировали. После успеха в столичном зиккурате, восстания вспыхнули по всей Карталонии, но военным удалось перехватить инициативу, заглушить сигнал из мятежных зиккуратов, и если не предпринять решительных действий, Карталония отколется полностью. В Китае ситуация похожая, но Пекин еще под контролем пунийцев.

Все это время я слежу за Бюэтархом, сидящим ко мне полубоком, и он не обращает на меня внимания: то ли не зна-

ет, что я здесь, и не чувствует с такого большого расстояния, как и я его, то ли я демонизировал противника. Боэтарх упустил свой шанс, Танит выбрала меня, а он остался обычным озлобленным человеком с некоторыми паранормальными способностями.

Суфий заканчивает и просит делиться соображениями.

Чтобы высказаться, нужно нажать ту же зеленую кнопку. Слово берет генерал:

– Есть новые, более конструктивные требования?

– Основное – независимость Карталонии. Смотрите.

Скрывая суфия, над землей разворачивается голографическая битва: толпа карталонцев прорывает оборону и вторгается на пятый уровень. Гемоды истребляют их сотнями, но они наступают по трупам.

Следующая сцена – митинг на площади, транспаранты: «Пунийцы – прочь из Карталонии», «Хватит пить нашу кровь», «Карталония – для карталонцев», «Хватит жертвоприношений».

– Кто за этим стоит? – продолжает генерал.

– Предположительно местная элита. Какие у вас предложения по стабилизации обстановки?

Генерал около минуты молчит, глядя перед собой, и наконец выдает:

– Усилить влияние, теперь мы можем себе это позволить, перебить местную элиту, и восстание захлебнется.

Голос берет Баальбен Барка:

– У национальных восстаний другие механизмы, мы чужие в Карталонии. Убьешь одного – придет другой. Предлагаю действовать радикально и нанести точечный ядерный удар по отделившимся зиккуратам, – в голосе Барки, потерявшего все, клокочет злость. – Выставляем требование, даем время подумать, бьем. Ответить им нечем. Все сразу сдаются. Да, мы многое потеряем, но пожертвуем малым ради великого. С Китаем так же.

– Голосую против, – подает голос Филин, я теперь знаю, что он – король преступного мира, все главари подчиняются роду Филинов и напрямую – их многочисленным бастардам. – Предлагаю попытаться справиться своими силами. У нас в Южной Карталонии все спокойно, главное – договориться с местными элитами, подкармливать их, тогда они не только свой народ, родную мать продадут.

Голоса делятся пополам: двадцать два за ядерный удар, в том числе все генералы, столько же против, включая гамм и Боэтарха, а всего здесь сорок пять человек. Получается, что мой голос решающий. Нажимаю красную кнопку.

– Отклонено, – провозглашает суфий. – Генералы – разработать систему урегулирования конфликта. Армадон Филин, пожалуйста, дайте рекомендации, как урегулировать конфликт.

А программа выдает:

Зафиксирована попытка совершить преступление против человечности!

Предотврати преступление против человечности, не позволь уничтожить центральный зиккурат Карталонии, Новую Сарепту.

Так, стоп, а что произошло только что? Разве мой голос не спас Новую Сарепту? Или только отсрочил неизбежное? Но как я могу помешать тому, что выносятся на голосование, не подавив волю пунийцев?

Дальше суфий рассказывает, что творится в мире, прерываясь на трансляции из горячих точек, а я думаю, что происходящее мне на руку – весь мир пунийцы не уничтожат, а пока будут отвлекаться, отвлекутся от моей деятельности у них под носом. Теперь главное, чтобы создали подконтрольное мне ведомство, а людей я наберу правильных и верных.

Наконец очередь доходит до бунтов в Новом Карфагене. Несколько голографических сцен с митингующими, потом – мое выступление перед народом, и – публика, расходящаяся по домам.

– Как мы видим, очаг удалось потушить, и не могу не выразить благодарность Эйзеру Гискону, давший бунтовщикам иллюзию того, что они просили – справедливости. Кроме того, огромный вклад в расшатывание ситуации внесли преступные группировки, на которые, как выяснилось, нет никакой управы из-за тотальной коррупции в силовых ведомствах нижнего звена. У Эйзера Гискона есть предложение, как в дальнейшем избежать погромов на территории Нового Карфагена.

Эйзер вылетает на место Суфия и произносит пламенную речь: то же, но другими словами, а я наблюдаю за Боэтархом: эмоций он не проявляет. Надо отдать должное Гискону, он феноменальный оратор, пара минут – и слушатели его, заглядывают в рот, сопереживают. Наверное, у Эйзера спящий дар суггестора. Заканчивает он, расхваливая будущее ведомство: что и полиции меньше работы, и люди получают, что хотели, и бунты закончатся, потому что масс-медиа обеспечит свершение справедливости онлайн.

– Но главное, у меня есть уже раскрученный кандидат, кто возглавит ведомство. Он с самых низов, но лоялен нам, его знают и любят низшие, вы, наверное, о нем слышали – победитель реалити-шоу «Выживи на Полигоне» – Леонард Тальпаллис!

Мой выход, то есть вылет. Активирую платформу, через коммуникатор задаю ей траекторию полета. Кресло складывается и отодвигается, встаю на отделившуюся от пола платформу, которая движется к середине амфитеатра. Нахожу Боэтарха; глядя на меня, он шевелит губами... и я будто получаю удар под дых, перед глазами темнеет, остается только текст программы:

*Зафиксировано агрессивное ментальное
воздействие!*

*Агрессивное ментальное воздействие нигилировано
Освобождением!*

В себя прихожу в середине амфитеатра, на меня обраще-

ны десятки глаз условных врагов, Боэтарх потерял невозмутимость, глаза его мечут молнии, ноздри раздуваются, пальцы сжимают подлокотники. Нужно быть крайне осторожным в высказываниях, потому я убрал из речи слова типа «низшие» – если видео сольют в Сеть, конец моей репутации. Повторяю то, что уже сказал Гискон и заканчиваю уверенным голосом:

– Все уже сказали до меня. Новый Карфаген – наш общий дом, и я сделаю все, чтобы не допустить беспорядков и кровопролитий. С вашего позволения я займу свое место.

Все это время Боэтарх уничтожает меня взглядом, и, едва я замолкаю и возвращаюсь в кресло, вылетает в центр зала и берет слово:

– От лица всех собравшихся выражаю благодарность Эйзеру Гискону, – он склоняет голову. – Но привлечение подозрительных людей к решению глобальных вопросов непредусмотрительно. Вы только вдумайтесь! У нас под носом создается целое ведомство, находящееся в распоряжении человека с улицы. Кто даст гарантии, что он не обернет наше оружие против нас? Я искал информацию о том, кто такой Леонард Тальпаллис. И знаете что? Не осталось в живых людей, которые подтвердили бы его личность, он жил в такой глуши, что у него нет даже биопаспорта! Я к тому веду, что Тальпаллиса можно оставить как медиаперсону, а не плодить сущностей в виде новых ведомств. Это небезопасно. Спасибо за внимание.

Пока я говорил, Боэтарх пристально смотрел на меня. Что он может? Уничтожать дистанционно? Так на меня его магия не действует. Или действует и проявится позже? Но вдруг он так же, как я, умеет считывать информацию о человеке? Значит, ему известно, что я трикстер, к тому же «судья». Охотясь за Элиссой, знал ли он, что она – воплощенная Танит? Наверняка, а значит, догадаться, что я и есть налетчик, не составит труда – иначе почему я стал судьей? Более-менее обнадёживает, что без серьезных обвинений он не имеет права причинять мне вред. Да, может подослать киллера, но я привык быть в тонусе.

После Боэтарха выступает жрец, укоряет собравшихся, что они рушат устои, что все беды от того, что в людях покачнулась вера в Величайшего. Странно, но от одного его присутствия по спине бегают мурашки, и кажется, что кто-то пристально смотрит. Подавляю иррациональное желание обратиться в безопасное место, обращаюсь к программе с просьбой вывести свои характеристики – надо посмотреть изменилось ли что-то после воздействия Боэтарха.

Леон, 31 год;

Уровень 0, ступень 0, судья; фактическое место проживания: уровень 4, ступень 3.

Дополнительные направления развития: тренер-наставник, художник, мастер рукопашного боя, стрелок.

Дальше просматриваю по диагонали, останавливаюсь на

здоровье – 18, как и было. Значит, Боэтарх не может мне навредить, но способен уничтожить моих союзников. Его сила наверняка растет, как и моя, и надо качаться безостановочно, а с бюрократическими фишками пусть разбирается Лекс.

После жреца речь берет некто Ашер Мела – восьмидесятилетний старик, сидевший во втором ряду, то есть представитель великого пунийского рода. Неожиданно бодрым голосом дед говорит, что Карфаген обескровлен, его некому защищать, и если Гискон готов курировать новое ведомство, то он будет просто счастлив.

Следом выступает генерал, представляющий всех военных и полицейских, высказывается положительно, но вносит предложение корректировать действия военных и нового ведомства, чтобы не мешать друг другу.

После его речи объявляют перерыв на обед, мы на платформах вылетаем в столовую, которая находится выше амфитеатра, а когда сажусь за уже накрытый стол, ко мне подсаживается самый молодой генерал, ему сорок два года, и долго трясет руку, восхищаясь моими мужеством и благородством. Приветливо улыбаюсь, на вопросы отвечаю осторожно, потому что каждый из присутствующих здесь – мой враг, эти люди ответственны за массовые казни трикстеров, за детей, убитых в питомниках.

Гискон так и не удостоил меня своим присутствием, просто поглядывает издали – не по статусу это ему.

Возвращаемся так же на платформах. Сейчас все решит-

ся.

Середину амфитеатра занимает суфий, ждет, пока все рассядутся. Я синхронизирую коммуникатор с общей системой малого зала Советов.

– Все готовы? – спрашивает суфий, окинув взглядом собравшихся. – Отлично. Голосуем. Кто за создание нового силового ведомства – зеленая кнопка на подлокотнике, кто против – соответственно красная. Промежуточного варианта нет. Что касается меня, то я не буду использовать право суфия и накладывать вето на законопроект. Голосуем.

Он первым нажимает зеленую кнопку – у меня на коммуникаторе высвечивается два столбца: красный и зеленый, а под ними вспыхивают имена и фамилии проголосовавших. Суфий относится к величайшему роду Барка.

Красный столбик уверенно обгоняет зеленый: против Филин, Боэтарх, Магон и семнадцать человек из великих родов. Зеленый столбик: десять генералов, Гискон. Остальные в раздумьях. Ну же! Нажимаю зеленую, гаммы тоже. Зеленый столбик растет, сравнивается к красным, обгоняет его. Есть! Наша взяла.

– Спасибо проголосовавшим, – говорит суфий, глядя в коммуникатор. – Эйзер Гискон, ваша инициатива, значит, вы разрабатываете программу развития. Генералы, вам необходимо подготовить предложения и рекомендации.

Выдыхаю с облегчением, кошусь на Боэтарха, он ничем не выдает своей злости, переглядывается со жрецом. Если его

сила от Ваала, конечно, они заодно.

Дальше говорят о волнениях в других зиккуратах, о проблемах четвертого и пятого уровней, связанных со снабжением, я больше думаю о своем, уходит еще полтора часа, и экстренное заседание объявляют закрытым. Все это время думаю о том, как предупредить Гискона об угрожающей ему опасности, ставлю галочку, что надо разобраться во взаимоотношениях пунийцев друг с другом, чтоб знать, где искать временных союзников, выяснить, имели ли место заболевания среди близких родственников глав великих родов, неугодных Боэтарху.

На выходе встречает Ра, провожает к флаеру, но меня не покидает чувство опасности. Смотрю на охранников, чтобы программа подсветила силуэт красным и предупредила об угрозе жизни, ведь любой может быть завербованным Боэтархом, но все они нейтральны. Если Гамилькар, он же отец Элиссы, начнет копаться в моем прошлом, найти компромат не составит труда, и весь план накроется. С другой стороны, Гискону тоже незачем знать подробности, а значит, выкручиваться придется самому.

До торжественной церемонии закрытия шоу «Выживи на Полигоне» и раздачи слонов еще есть время, и мы летим в питомник, где мне предстоит выбрать раба, а затем – в мой новый дом. Какой род чем владеет, я в общих чертах представляю: Магоны – Уруссией с ее неисчерпаемыми богатствами, а так же у них многочисленные частные военные

компании. Барки – Карталонией и севером нашего континента. У Гисконов Сабский полуостров, нефть и газ. Филины качают ресурсы из Южной Карталонии. Неофициально они покрывают наркокартели и бандформирования по всему миру. У Боэтархов, как ревностных защитников традиций, земель немного, зато они есть почти на каждом континенте, у них там заводы, производящие флаеры, лайнеры, спутники, технику для конвейеров. За Гисконами информационные технологии, масс-медиа.

Нужно в тишине и одиночестве проанализировать последние события, нарисовать сферы влияния и подумать, как это обыграть в своих интересах.

Перед прилетом в питомник Ра уступает мне место за штурвалом, объясняет, как синхронизироваться с разрешенными воздушными линиями, и я уверенно веду флаер туда, где специально обученные рабы-гемоды ожидают своих хозяев.

– Когда необходимость в рабах отпадает, хозяева их возвращают, – объясняет Ра. – Если в течение года никто рабом не интересуется, его утилизируют.

– Но зачем? – возмущаюсь я, не отрываясь от вождения. – Это же одаренные люди, их можно использовать... эффективно. Например, в армии.

– Они служили альфам и очень много знают. Каждого второго убивают хозяева, когда раб стареет, чтоб к чужим не просочились семейные тайны.

– И гемоды согласны умереть?

– Они психологически обработаны так, что предпочитают жить в рабстве на пятом уровне, а не спускаться ниже. К тому же процедура умерщвления гуманна, они не догадываются, что умрут. Некоторые, конечно, бунтуют, сбегают, но есть ловцы, которые всегда на шаг впереди.

Вспоминается Рэй, и просыпается возмущение. Зачем убивать людей? Они такие же, как мы, даже во многом нас превосходят. Наверное, в этом и проблема: слишком превосходят.

Направляю флаер в посадочный модуль, мы проходим сканирование и оказываемся в уже привычном светлом коридоре.

– Ра, мне приготовили хорошеньких рабынь, так? Веди туда, где старые никому не нужные рабы, желательно мужчины.

– Но...

– Я так хочу. Поверь, мне нужен именно такой человек: опытный, со знаниями, который в обществе, как рыба в воде.

Впереди идущий Ра пожимает плечами.

– Хорошо, но тогда придется подождать, я отберу анкеты...

– А потом мне надо видеть этих людей.

– Хм... Воля твоя.

Проходим мимо дверей, где красным светится «занято», Ра указывает на ту, где нет предупреждения:

– Комната ожидания.

Собираюсь войти, но буквы на соседней тухнут, выходит строгая дама, бета, сотрудница питомника, с двумя прехорошенькими девчонками-гемодами шестнадцати лет, следом – пожилая пара, беты. Дама держит за руку девушку, которую выбрала чета, ей тоже шестнадцать, и она светится от счастья. Сканирую мужчину-покупателя: 59 лет, прокручиваю информацию до преступлений... И понимаю, что девочка не в безопасности. Сжимаю челюсти, хочется перекупить девочку, но тогда они выберут другую, а всем мне не помочь.

– Какие-то проблемы? – спрашивает мужчина.

Холодно улыбаюсь:

– Нет, Кир. Просто мы встречались. Не вспомнил? – Специально тяну время, считывая список преступлений, за которые можно прижать этого чиновника. – Ничего, бывает.

И переступаю порог своей комнаты ожидания, где огромный экран, кресло, медицинские приборы для обследования рабов. Синхронизирую коммуникатор с экраном, нахожу каталог, задаю параметры поиска: мужчина, от сорока пяти лет – обычно после этого возраста начинается выбраковка. Система выдает сто пятьдесят анкет, обычно чем старше раб, тем ниже цена, а она на сорокалетних мужчин в среднем двести тысяч шекелей.

Доверяю интуиции, просматриваю лица, ставлю галочки напротив тех, кто меня заинтересовал. Затем просматриваю род деятельности, и выбор останавливается на десяти муж-

чинах.

– Эти, – поворачиваюсь к Ра, он поднимается.

– Сделай запрос, и их приведут по одному. А мне нужно удостовериться, что гемоды не опасны.

– Поверь, Ра, я это сделаю лучше тебя.

– Таковы мои обязанности.

Бастард Гискона уходит, а я ради интереса начинаю просматривать анкеты, думая о том, что я сейчас – рабовладелец, часть системы, с которой борюсь. Пристально смотрю на экран, и тут происходит странное: перед ним образуется зеленая пелена, проступают бегущие сверху вниз зеленые единицы и ноли, формируются в картинку: женщина, неуловимо похожая на Элиссу, короткая стрижка, каштановые волосы, карие глаза, и мальчик-подросток. Полыхает огонь, облизывает белые колонны с высеченными львиными головами – такими же, как на моем медальоне. Женщина вскидывает голову, смотрит с мольбой.

Сердце срывается в галоп – так же со мной пытался связаться Шахар. Что это за женщина, где это, о чем меня пытаются предупредить? Подавшись вперед, впиваюсь глазами в картинку, но она рассыпается и истаивает.

Мысленно обращаюсь к Шахару: «Что мне надо сделать? Кто это?»

Последняя вспышка: крупным планом коричневое пятно в форме дельфина и неразборчивый шепот: «Тяжело пробиться. Ищи знаки».

Мне срочно нужен карандаш, чтобы нарисовать женщину и мальчика! Прохожусь по комнате, но ничего подобного не обнаруживаю – остается дожидаться Ра, а он не заставляет себя долго ждать, приходит в сопровождении сотрудника, сорокалетнего мужчины-альфы, он говорит:

– Все образцы ожидают. Приводить на просмотр? Нужен ли медработник для сканирования? Сразу говорю, что мы предлагаем только качественный товар.

– Не нужны. Пусть заходят все сразу. – Видя замешательство работорговца, дополняю: – Такова воля покупателя, то есть моя.

– Пусть будет по-вашему.

Десять крепких мужчин выстраиваются полукругом у кресла, их взоры направлены в стену. Отвратительное ощущение, но пересиливаю себя, просматриваю их данные, начиная с первого. Меня интересует, поклоняются ли они Ваалу. К сожалению, первые семеро – да. Взгляд останавливается на восьмом гемоде, я заглядываю ему в глаза и замираю, заметив родимое пятно в форме дельфина, ныряющего со скулы за ухо.

Точно такое же, как было в видении. Значит ли это, что я должен его выбрать? Но в нем нет ничего особенного, он культист Ваала, уборщик культовых сооружений. Ему сорок три, он не так хорошо развит физически, как остальные, зато превосходит их интеллектом. Чем он может быть полезным? Предыдущие охраняли Совет, двое были в услужении вели-

ких родов.

Надеюсь, я правильно все понял. Называю восьмого гема-
да по имени:

– Виктор, меня зовут Леонард, я твой новый хозяин.

Глава 6. Герои

– На выход, – командует работорговец, и девять крепких мужчин синхронно, как механизмы, разворачиваются и один за другим идут к выходу.

Виктор стоит, как замороженный, по-прежнему не смея смотреть мне в глаза. Высокий, статный, смуглый, гораздо смуглее, чем жители Нового Карфагена, глаза ярко-зеленые, сеть мелких морщин на скулах. Не знаю, какие отношения у рабов и господ, но мне нужен не бессловесный исполнитель, а советчик, который при необходимости способен и поспорить.

Виктор (Но-3044), 45 лет.

Собственность питомника 14-8.

Физическое развитие: 13;

Сила: 14;

Ловкость: 11;

Выносливость: 13.

Духовное развитие: 8.

Религиозная принадлежность: культист Ваала;

Паранормальные способности: целитель (заблокировано).

Интеллект: 13.

Здоровье: 15.

– Я пока выпишу паспорт, и чип нужно перепрошить, –

говорит работорговец. – Если раб не будет перемещаться самостоятельно, то паспорт и разрешение ему не нужны.

– Выписывайте, – киваю я и обращаюсь к Виктору: – В чем твоя модификация? Где ты работал и что входило в твои обязанности?

Этот мужчина кажется совершенно бесполезным, может, он прояснит ситуацию, что в нем настолько ценного, что аж видение было.

– Отсутствие воли, – потупившись, отвечает он. – Я не в состоянии послушаться приказа хозяина, а так же принять самостоятельное решение. Распоряжение хозяина превышает собственной жизни. Работал я в храме Танит на Кипресе². В мои обязанности входило: содержание в чистоте храмовой территории, охрана храмовой территории, выполнение распоряжений служительниц культа. По исполнении тридцати пяти лет я был переведен в храм Ваала в Новый Карфаген, на четвертую ступень – туда, где было свободное место. Храмовым работникам не может быть больше сорока пяти, потому три месяца назад меня выбраковали, но ценность моя недостаточно высока, чтоб принести меня в жертву.

– Спасибо, Виктор.

Н-да, вряд ли он располагает информацией, которая мне нужна. Но раз на него указали, пусть остается. Зато верный, не посмеет послушаться приказа и не вынесет сор из избы.

– Ты оружием владеешь, Виктор?

² Название Кипра

– Все мужчины-рабы, кроме амурных, в совершенстве владеют всеми видами разрешенного оружия, в том числе холодным, и как минимум двумя техниками рукопашного боя.

– Я могу забрать его на перепрошивку чипа? – интересуется сотрудник питомника и, получив согласие, уводит Виктора, а я обращаюсь к удивленному Ра:

– Я посмотрел в каталоге, цена этого раба – восемьдесят тысяч, он выбраковка. Вычти эти деньги из моего миллиона. И захвати кого-нибудь из тех, кого подготовили для меня по приказу Эйзера.

– Ты можешь отказаться от Виктора, – Ра кусает губу, видно, что хочет наговорить лишнего, но заставляет себя молчать. – Зачем тебе утильсырье? К рабам привыкаешь, жалко становится. Постарайся не воспринимать их как равных. Раб уже старый, скоро болеть начнет, а лечить дорого.

Гемоды для него – не люди, и если секунду назад я еще колебался насчет Виктора, то теперь сомнений нет.

– Поверь, мое решение вполне обосновано.

– Взглянуть не хочешь на товар? На тот, который качественный.

– Полностью доверяю твоему опыту. Да! Еще мне нужен карандаш и лист бумаги, прямо сейчас. Можешь достать?

Глаза у Ра совсем круглые, но он кивает, минут на пять оставляет меня одного, приносит карандаш и бумагу, снова исчезает, а я делаю набросок видения: сперва колонны, затем

силуэт женщины, ведущей мальчика за руку. Прорисовываю детали, стараюсь изобразить женщину максимально похожей на ту незнакомку, но проступает лицо Элиссы, зато мальчик получается – такой же вихрастый, щекастый, нос пуговкой.

За этим занятием меня застает Ра, приведший высокую блондинистую красавицу с огромной грудью и талией такой узкой, что кажется – переломится. Ошеломленный, даже не сразу вспоминаю, что ее надо просканировать на предмет наличия интеллекта. Совершенное создание. Лицо сердечком, серые глаза, чувственные губы.

– Нравится? – улыбается Ра. – У меня похожая рабыня. Хороший товар, проверено.

подавляя омерзение, заставляю себя усмехнуться – пусть думают, что я свой, что не в морду ему хочется двинуть, а поскорее раздеть рабыню. Считаваю информацию:

Ми-1088, 17 лет.

Собственность питомника 14-8.

Физическое развитие: 14;

Сила: 14;

Ловкость: 14;

Вьносливость: 14.

Духовное развитие: 8.

Религиозная принадлежность: отсутствует;

Паранормальные способности: отсутствуют.

Интеллект: 16.

Здоровье: 19.

Кажется, начинаю догадываться, почему такое гонение на

беглых гемодов: они слишком превосходят обычных людей, и когда-нибудь с ними начнутся проблемы. Ра трактует мою реакцию по своему, отступает за спину девушки.

– Расскажи о себе хозяину.

Отведя взгляд в сторону, она говорит приятным хорошо поставленным голосом:

– Модель «Ми» универсальная. Могу работать как телохранителем, так и стать умелой любовницей. Стерилизована. Обладаю широким спектром познаний в различных областях, начиная от кулинарии, заканчивая физикой и астрономией. Модель «Ми» отличается высоким интеллектом и развитыми физическими характеристиками, сбалансированным темпераментом. Я никому не принадлежала, потому не имею имени. Хозяин, если желаете, можете меня назвать.

Складываю листок с рисунком и прячу в карман кардигана.

– Называй меня, пожалуйста, по имени. Меня зовут Леон. Милая, а есть имя, которое нравилось бы тебе. Ты сама как себя назвала бы?

Щеки девушки заливают румянец, она качает головой.

– Нам запрещено давать себе имена.

Ра протягивает мне две ламинированные карты – пропуск для рабов, а мне хочется пробудить у девушки индивидуальность, она ведь не робот, их просто обработали психологически, и тому доказательство Рэй, у которого яркая индивидуальность.

– Значит, у тебя не будет имени.

Ра качает головой, его жест пропитан снисходительностью.

– Ты слишком очеловечиваешь гемодов. Их никто не рождал, у них нет личности. С ними нужно примерно так. – Он кладет руку на плечо девушки. – Хозяину лень придумывать твое имя, он хочет, чтоб ты сама себя назвала. Он приказывает тебе себя назвать.

– Миранда.

Наверное, полгода назад мне было бы на это все плевать, я бы радовался, что у меня появилась грудастая подруга, сейчас же одно желание – сровнять с землей все зиккураты, и пусть человечество начинается с чистого листа.

– Красивое имя. Будешь Мирандой. Ра, мы успеваем заскочить в мои апартаменты? Похоже, что нет.

– Однозначно нет.

– Тогда летим на шоу.

Настороженно друг на друга поглядывая, рабы занимают два задних сиденья во флаере, я представляю Виктора и Миранду друг другу и, пока Ра ведет флаер, на чистой стороне листа рисую портрет женщины, пока он не выветрился из головы, но почему-то не получается, хотя помню ее отчетливо, мешает образ Элиссы. Ра косится на меня, но ничего не спрашивает, рабы делают вид, что им ни до чего нет дела. Не поверю, что они на самом деле так все воспринимают.

Получились четыре неуловимо похожих, но разных лица,

протягиваю листок Ра.

– Не знаешь, кто это?

Он трет переносицу, качает головой.

– Что-то знакомое... Но нет, не знаю.

Вспоминаю видение еще раз, мысленно перемещаюсь в прошлое, в тот день, когда простился с Элиссой. Если оценивать разумом – прошла вечность, а по ощущениям – я только что держал ее за руку, и одежда еще хранит ее запах.

Но я пока не имею права даже напомнить о себе. Скрипнув зубами, перевожу взгляд на Миранду. Да, она прекрасна, если оценивать ее как произведение искусства. Можно сказать шедевр, но выбора между ней и Элиссой быть не может, и дело не в божественности последней, и не в том, что одна гемод, а вторую выносили в утробе, а в том иррациональном, что происходит в моей голове и заставляет желать одну женщину. Мало того, я уверен, что ни с кем и никогда не испытаю того, что было с Элиссой. Номер заказа 49685713, куплено на сайте Литнет

Стоит подумать о ней – и приходит сожаление, что я себе больше не принадлежу и вместо того, чтобы обнимать любимую женщину, жму руки врагам, улыбаюсь им, играю по их правилам.

* * *

Медиахолдинг, где состоится закрытие шоу, находится на

четвертом уровне, первой ступени, накрывает непрозрачным стеклянным куполом огромную площадь и вмещает двести тысяч зрителей. Парковка тут не в стене, а в наскоро смонтированных многоэтажных временных модулях, расположенных среди деревьев, кустов, скульптур и перетекающих друг в друга декоративных озер.

Приземляемся в зарезервированной нижней ячейке модуля, выходим наружу, но наперерез не бегут журналисты, дроны висят в сторонке, мною не интересуясь – видимо, никто не знает, когда я прилечу. Протягиваю руку:

– Ра, дай пистолет.

– Это мирная зона, – говорит Ра, но сует руку под мышку, в кобуру.

– Забудь слово «мирная», когда ты со мной.

Ра пожимает плечами и вкладывает мне в руку пистолет.

– Аккуратно, заряжен.

– За последний месяц меня пытались убить... много раз, как минимум три покушения – заказные. И это при том, что отследить мои перемещения было сложно. Теперь я медиа-персона, вокруг полно дронов, и даже киллера нанимать не надо.

– Думаешь, что успеешь среагировать, если атакует дрон?

– Уверен. Если вдруг, падай на землю, я справлюсь.

Пересекаем искусственный пруд по прозрачному мостику, гляжу под ноги и замедляю шаг, чтобы рассмотреть ярких рыб с оранжевыми хвостами-флагами. Ра останавлива-

ется, ждет, пока заворожено их разглядываю.

– Раньше не видел, что ли? – спрашивает он.

На языке вертится «нет», но настоящий-то Тальпаллис жил на границе и ходил по лесу, где наверняка были реки. Вспоминаю горные ручьи, которые видел по телеку.

– Таких – нет. Вода была непрозрачная, в ней мало что разглядишь.

Над посадочными модулями роятся сьнижающиеся флаеры. Все люди дгвижутся к куполу. Через каждые двадцать-тридцать мететров стоят безопасники с плазмоганами, предполагаю, чёто столько же силовиков в штатском бродит в толпе. Чем ближе к куполу, тем громче гул голосов и больше дронов. Наряженные щеголи, расфуфыренные дамы с волосами, поднятыми волной сантиметров на тридцать над головой, в откровенных платьях... Только сейчас понимаю, что мне в бронеке да в кардигане жарко, ведь уже почти лето, но переодеваться поздно. Хорошо, что никто меня не узнаёт.

Гомонящая толпа входит в двери, расположенные на всем протяжении купола в тридцати метрах друг от друга, мы подходим к маленькой закрытой, она втягивается в стену. Быстро переступаем порог, пока следом не ломанулись гости и зрители. По узкому служебному коридору идем до конца, затем поднимаемся на лифте, похожем на медицинскую капсулу, он раскрывается наподобие цветка, его стены складываются и втягиваются в пол, выпуская нас посреди огромного зала, где пахнет парфюмом и пудрой, туда-сюда носятся гри-

меры. Нахожу свою команду, одетые так же, как на Полигоне, соратники сидят в черных креслах, с ними уже работают стилисты. Надана громко чихает, возле нее застыла коротко стриженная гримерша с кисточкой.

Подлетает напуганная женщина, машет руками, тараторит, что времени мало, и она не успеет привести меня в порядок, протягивает борцовку и брюки с карманами.

Хватает меня под руку, тянет к панели управления, похожей на трибуну для выступлений, синхронизирует коммуникатор с «мозгами» штуковины, и меня окутывает коконом голограммы.

– Леонард! Переодевайтесь! У нас осталось двадцать минут.

Только снимаю кардиган, из пола выдвигается крепеж-вешалка. Определяю на него бронежилет, футболку, брюки, облачаюсь в привычную одежду и кричу:

– Готов!

Голограмма исчезает, женщина косится на татуировку: цепь с крупными звеньями, оплетающую руку. Каждое звено, а их двадцать два, – как партии, выигранные у смерти. Но у гамм и тех, кто выше статусом, татуировки, кроме той, что на седьмом шейном позвонке, считаются дурным тоном.

Вибрирует коммуникатор, на весь его экран появляется лицо Гискона – отвечаю на вызов.

– Леон, ты на месте? – сдержанно интересуется он.

– На месте, все помню, – отодвигаю от себя гримершу с

кисточкой, делаю зверское лицо, она пятится. – От плана отклоняться не намерен. – Поворачиваюсь к ней. – Спасибо. Хватит.

Перечить она не смеет. Видимо, по команде, прозвучавшей в коммуникаторе, гримеры оставляют своих жертв.

– Готовность на старт! – звучит голос координатора.

Пока зрителей раскачивают и показывают им хайлайты с Полигона – аж вибрирует стена, отделяющая гримерку от сцены, – улыбчивый юноша ведет нас к вмонтированной в пол летающей платформе, аналогичной той, на которой я появился перед митингующей толпой. Ненадолго вибрация стихает и сменяется гулкой пульсацией басов – началось выступление звезд шоу-бизнеса. Включаю коммуникатор, нахожу канал, где идет трансляция: под бешеные ритмы и рев вокалиста над сценой несется голографический трицикл с гемодами, охотящимися за каким-то бедолагой.

Скоро наш выход, а он должен быть эффектным. Десять тысяч билетов на представление продали дельтам, чего никогда не делали, – чтоб снять социальную напряженность.

– Видели апартаменты? – спрашиваю, обращаясь ко всем.

Надана показывает знак, что довольна.

– Не знаю, как смогу там жить. Как в музее. И мужика подогнали, а ему, – она улыбается Лексу, – даму, – и изображает руками гигантскую грудь. – Мы теперь рабовладельцы.

Становимся на платформу, я на центральную ее часть, остальные по бокам.

– Человек не должен быть рабом, – холодно говорит Вэра, скрестивший руки на груди.

– Ты ж нье отказался? С нами-то рабам ничьего нье угрожает, – констатирует маори Тейн.

У всех одновременно включаются коммуникаторы, где ведущий, Блейм в костюме римского гладиатора объявляет следующую группу, его сменяет координатор проекта – лысый мужчина с обвислыми щеками и глазами, красными от недосыпа.

– Готовность – четыре минуты, – бормочет он.

– Есть, – отзывается сопровождающий нас парень.

Ждем сигнала. Миллиарды людей предвкушают прямую трансляцию с закрытия шоу, но с еще большим трепетом ожидают мою очередную пресс-конференцию, согласованную с Гисконом. Все, что от нас требуется сейчас – появиться эффектно под гром барабанов, пролететь над толпой, поочередно пожать руку Блейму.

– Вылет! – командует координатор, и платформа плывет к стене, где открывается люк, откуда вырывается грохот и рев тысяч глоток.

На миг теряю ориентацию, глохну от грохота. Кажется, что мы парим под звездным небом над колоссальной воронкой амфитеатра, стилизованного под скалы. Три луча прожекторов накрывают платформу, слепят, но заставляю себя не моргать.

Наши гигантские голограммы появляются по разные сто-

роны платформы, идут по кругу. Публика ревет, но люди так далеко и их так много, что слившиеся голоса напоминают грохот шторма. Рядом улыбается Надана, сжимая руку Лекса.

Платформа начинает плавно спускаться по сужающейся спирали метрах в десяти от трибун. Люди вскакивают, тянут руки, кричат, девчонки стараются перевизжать друг друга. Сквозь крики прорывается усиленный голос ведущего:

– Вот они, герои Полигона! Приветствуем победителей! – рев. – О, не помню, чтобы кого-то другого так встречали! Ура героям!

В середине амфитеатра платформа разделяется, соратники летят по спирали вдоль трибун, я – просто вниз. Когда спускаемся, Блейм нас чествует, пожимает руки, нахваливает меня, что я чуть ли не переломил ход истории, нам вручают карточки с деньгами и под дружные аплодисменты платформа воссоединяется, и мы улетаем на пресс-конференцию в другой зал, битком набитый журналистами, где присутствует в том числе Эйзер Гискон, демонстрирует журналистам, что принял меня как победителя, поздравляет, а потом два часа нам задают вопросы, на которые я уже неоднократно отвечал, только теперь полегче тем, что есть экзотичный Тейн и карталонец Вэра, оттягивающие внимание на себя. Линию гнем ту же: злые пунийцы повержены, нас услышали, все будет по-нашему.

Примерно через час с начала конференции у меня появ-

ляется чувство нереальности происходящего. Несколько месяцев назад я прятался в канализации и называл озверелыми тех, кто меня чествует, а ведь они не изменились, это все те же озверелые, но изменился я, программа сделала свое дело.

А еще внутри головы будто бы звенит колокольчик, переходящий в женский голос, слов не разобрать, но я знаю точно – Элисса что-то хочет мне сказать. Что-то очень важное, то, что я чувствую, пытаюсь ухватить, но оно все время ускользает.

Мысль сидит занозой в мозгу, потому к концу конференции я усталый и злой, но нахожу пятнадцать минут для рыженькой журналистки Мариам Линн, которая в свое время мне очень помогла. Да что там говорить, если бы она не согласилась освещать налет на черных трансплантологов, меня и в живых бы уже не было. Женщина, не в силах сдержатъ чувств, обнимает меня, а потом поворачивается к оператору и так же, не отлипая и стоя полубоком, говорит:

– Я знала, что у этого парня все получится, и он победит на «Полигоне»! А теперь завидуйте – у меня есть знакомая звезда!

Отстранившись, она принимаем серьезный вид, и мы говорим о моих планах, я успокаиваю ее, что все серьезно, и Гискону некуда деваться, он пойдет на уступки. Оставляю координаты своего коммуникатора и прошу звонить в любое время, если произойдет что-то важное.

Прощаясь с ней, я собираюсь отправиться в примерку, но

команда уже ждет в моем флаере. Сопровождаемый Ра, будто вылезшим из-под земли, я думаю не о том, что завтра нужно открывать новое ведомство и заниматься подбором кадров, а об Элиссе – как бы связаться с ней побыстрее, предчувствие было, что если не сделаю этого в ближайшее время, то все потеряю.

Пожалуй, обнять Элиссу – единственное, что хочется, а не чего требует долг.

– Девять вечера, – говорит Надана, пытается синхронизировать коммуникатор с системой флаера, ничего не получается, и она сжимает челюсти, кусает губу, но не сдается, Лекс наблюдает за ней с полуулыбкой.

– Не получится, – прихожу на помощь я. – Система слушается только меня.

Раскладывается столик, Надана разливает водку по рюмкам.

– Все будут? Надо отметить же!

– Я не пью, – говорит Лекс, я тоже отказываюсь, а Вэра и Тейн с удовольствием присоединяются.

– За победу! – торжественно произносит Надана. – За Леона! – Чокаюсь с ними стаканом с клубничным соком, он такой вкусный, что не могу напиться.

– Ты еще не видел свои апартаменты! – продолжает Надана. – Мы ж к тебе летим, да? Я б после слетала куда-нибудь развлечься, на нашем новом уровне стремно, тут, наверное, все нудное, а на родном втором... Но понимаю – опасно.

– Потьерпи, Надана, скоро будьет вьесело! – говорит опустошивший рюмку Тейн.

Появляется предчувствие опасности, я вывожу изображения с камер на все экраны и обнаруживаю подсвеченного красным дрона, летящего в двадцати метрах от нас. Он не приближается и не удаляется – кому-то очень хочется знать, где мы живем. Занимаю кресло второго пилота, беру дрона на прицел и интересуюсь у Ра, можно ли его сбить.

– Если у тебя есть доказательства враждебности его намерений. Не исключено, что просто совпадает маршрут.

Тем временем Надана наливает водку второй раз, я наполняю стакан соком, а дрон отстает, если б не подсветка красным, не заметил бы его и ничего не заподозрил.

В голове вспыхивает идея, как связаться с Элиссой. Да, я не могу ей позвонить – есть вероятность, что отследят сигнал, прийти еще опаснее. Но можно отправить к Тевуртию Помпилию гонца с посланием для Элиссы, и чтоб она что-то передала мне.

Вскоре становится понятно, почему исчез вражеский дрон: мы прибыли в точку назначения.

Наши апартаменты находятся прямо в стене, выходящей окнами на великолепный сад, почти такой же, какой возле медиахолдинга. По периметру висят охранные дроны размером с полфлаера. При нашем приближении в стене открывается люк, и Ра паркуется на общей стоянке среди машин классом не ниже «голубя», тут имеется даже старенькая мо-

дель «Тау-фламивно», и наши «стрижи» смотрелись непрезентабельными. И плевать.

– Здесь я с вами прощаюсь, – говорит Ра. – Леон, твои апартаменты напротив Лексиуса, он тебя проводит.

– Ну что, к тебе? Продолжим веселье? – пританцовывая, спрашивает Надана.

Киваю, неспешно обводя парковку взглядом: камеры отсекают периметр, а еще есть четыре пары замаскированных пулеметных стволов на турелях.

– Ко мне, но не торопимся, надо изучить территорию.

Парковку заливает рассеянный желтый свет, у колонн, поддерживающих свод, – растения в огромных горшках, коммутаторы для экстренной связи. Слух ласкает гармоничная музыка, льющаяся с потолка. Лифты тут просторные, с зеркальными стенами и потолком. Лекс набирает 13 и нажимает на кнопку.

На лестничном пролете, еще пахнущем свежим ремонтом, – всего две двери.

– Твоя двадцать шестая, – объясняет Лекс. – Просто подходишь, даешь команду, искусственный интеллект тебя сканирует, опознает и запускает. Обмануть такую систему практически невозможно.

Последнее он восхищенно договаривает, когда я уже прохожу сканирование, а заканчивает ровно тогда, когда открывается дверь.

У порога нас встречают мои рабы – Миранда и Виктор,

все с ними здороваются, они реагируют, как роботы. Когда Тейн подносит руку Миранды к губам, она смотрит на меня испуганно. Окидываю взглядом помещение: просторная гостиная, пол под мрамор, четыре двери и мраморная же лестница на второй этаж.

– Миранда, – распоряжаюсь я, – займи, пожалуйста, гостей. Виктор, ты ориентируешься в Новом Карфагене? Смог бы передать послание на второй уровень?

– Конечно, хозяин, если вы оставите координаты. У меня есть паспорт, позволяющий свободно перемещаться. Указываете время, и никаких проблем.

Обращаюсь к команде:

– Я вас покину буквально на десять минут. Виктор, идем в кабинет, надеюсь, он тут есть, как и есть чистая бумага.

Через пятнадцать минут Виктор берет дежурный флаер в аренду и отправляется к Помпилиям с посланием для Элисы. Надеюсь, через пару дней смогу с ней увидеться.

Интерлюдия. Элисса

Элиссе опять снилась чужая жизнь. Позапрошлой ночью она была очень богатой девушкой лет двадцати пяти, замужней. Муж старше, ему за тридцать, русоволосый, в очках. Ему откорректировали зрение, а очки он носил как неотъемлемую часть имиджа. Элисса любила мужа и даже проснулась с ощущением счастья. Обдумала его, потому что это странно – любить кого-то, кроме Леона, пусть и не будучи собой, и сочла сон забавным, списала на тоску по Леону.

Позавчера она снова была этой женщиной, но уже с ребенком лет пяти или старше – Элисса не разбиралась в детях. Они с мужем собрались отвезти малыша к бабушке, чтоб сходить на концерт. За штурвалом был телохранитель, и когда чужой флаер соскользнул с разрешенных воздушных потоков и потерял управление, не успел среагировать, удар выбросил из кресла, флаер полетел кувырком, и наступила чернота.

Элисса минут пять смотрела в потолок и пыталась вспомнить имя той женщины. Мальчика звали то ли Йохим, то ли Йохан... И все. Только лица – никаких имен. А еще она знала, что сломала позвоночник, но спаслась, что случилось с мужем и ребенком – неизвестно, проснувшись, Элисса была уверена, что они погибли, а она была в больнице и потому не пришла на кремацию.

Настроение было испорчено на весь день. Она смотрела новости, где только и говорили про Леона, показывали его, выступающего перед толпой. Элисса ликовала, что он на свободе, а значит, скоро появится... наверное... если не забыл ее.

Кто она? Никто и ниоткуда, преступница, рядом с которой стоять опасно, он – звезда, стоит ли ему так рисковать? Наверное, нет. Правильнее забыть о ней, он ведь и так сделал для нее слишком много.

Но подсознательно Элисса все равно его ждала. Понимала, что впустую – но ждала. Радость от того, что Леона освободили, соседствовала с грустью от того, что теряет его. Те-вуртий улетел к Пенелопе, у него так хорошо получалось находить нужные слова, а теперь она предоставлена сама себе. Включив все телевизоры, она ходила из комнаты в комнату, смотрела на Леона и не могла насмотреться. Больше всего в жизни ей хотелось обнять его.

И вот третью ночь подряд Элиссе снится, что она – другой человек. Теперь ей больше лет, у нее стрижка каре, каштановые волосы с седыми прядками на висках. Когда разбился флаер, мальчик, видимо, выжил, теперь ему лет двенадцать.

Они с мальчиком находятся в колоссальном мраморном здании, не похожем на жилое помещение. Снаружи грохочут выстрелы. Влетает слуга, тянет за руку, но нужно бежать сквозь огонь, она панически боится огня и не решается. От дыма дерет в горле. Слуга притаскивает мокрые простыни,

и они втроем врываются в объятую пламенем комнату.

– Не дышите! – напоминает слуга. – Тут угарный газ.

Языки пламени касаются простыни, которую она держит над головой одной рукой, а второй тащит за собой мальчика. Преодолев смертельно опасную комнату, они оказываются в развороченном помещении под звездным небом. Луч прожектора слепит, знакомый голос из флаера примирительно просит оставаться на месте.

Элисса открывает глаза. Сердце готово выпрыгнуть из груди, ноздри щекочет едкий дым, глаза слезятся. Если первые два сна можно списать на совпадение, то третий...

Умывшись, Элисса идет не в кухню, а возвращается к себе в детскую, находит карандаш и записывает сон, стараясь припомнить детали. Интуиция подсказывает, что ей показали сон-предупреждение, но что он значит? Кто эта женщина? Имя она так и не вспомнила. Место? Просторный мраморный зал, белые колонны...

Когда выбежала из объятого огнем зала, перед тем, как ослепла от луча прожектора, она заметила, что находится не в зиккурате, сооружение, где она жила (или пряталась?) стояло прямо на земле, и вокруг буйствовала растительность.

Вчера Тевуртий вернулся, когда Элисса уже спала. Из-за непрерывной нервозности у нее расстроился сон, она спит по два часа, просыпаясь, бродит по дому, и он привез ей успокоительных капель.

– Доброе утро, – улыбается он, ставит на стол тарелку с

печеньем и стакан. – Я сделал тебе коктейль.

Элисса садится, поджав ногу, берет стакан и рассказывает сны. Тевуртий слушает внимательно, потирая подбородок, качает головой.

– Сложно сказать, что это. Если существует множество миров, возможно, ты соединилась со своим двойником. Если все происходит в нашем мире, то ты себя настолько издергала, что даже сны снятся тревожные.

– Это не просто сон... Предупреждение, что ли. Я должна что-то увидеть и понять. Может, так со мной пытается говорить Танит... Но я не понимаю! Знаю только, что очень важно для меня... и для Леона.

Последнее она говорит, потупившись, думает, что уж он точно разгадал бы головоломку. Будто прочтя ее мысли, Тевуртий ободряет:

– Не расстраивайся так. За Леоном сейчас наблюдает весь мир. Как только разгрузится немного, он обязательно появится.

– Понимаю все это... Но все равно грустно и... Еще сон. Чувствую, что надо рассказать ему, но как?

Тевуртий молча наливает в стакан воды и капает туда успокоительные капли, протягивает девушке. Элисса выпивает и то ли кажется, то ли и правда ей хочется спать. Пошатываясь, она идет к себе, падает на кровать и выключается без сновидений.

Будит ее стук в дверь. Еще толком не проснувшись, она

бежит открывать, спросонья вспоминает, что не заперто, сердце колотится в сладостном предчувствии. Неужели?..

– Входите, – говорит она, и в комнату входит Тевуртий, загадочно улыбаясь, кладет на столик непонятный прямоугольный девайс. – Тебе послание от Леона. Это голографический проектор, умеешь им пользоваться?

– Нет, – радостно восклицает она и подходит ближе.

– Садись на диван, – говорит Тевуртий, нажимает на кнопку, и в середине комнаты появляется Леон, замирает – почти как живой, только слегка прозрачный. Элисса подходит к нему, Тевуртий продолжает: – Послание длится десять минут. Вижу, что тебе хочется остаться одной. Когда закончишь, позови меня, сделаем запись и передадим ему.

Он снимает проектор с паузы и уходит. Голограмма Леона смотрит перед собой, и Элисса становится так, чтобы казалось, будто – на нее.

– Привет, малыш, – он улыбается, протягивает руку, делает жест, словно гладит ее по голове. – Хочу, чтобы ты знала: я тебя не забыл, но прийти пока не могу, это слишком опасно, за мной все время наблюдают и союзники, и недруги, уверен, они не поленятся проверить всех, кого я посетил. У меня все хорошо: получил гражданство на четвертом уровне, и все озвученные на камеры планы – правда. Завтра с командой начнем создавать «Оплот»...

Он говорит с такой нежностью, что Элисса, не сдержавшись, подходит и проводит по его щеке, представляет тепло

кожи. Закрывает глаза и слушает, слушает, слушает его голос, впитывает каждое слово, как губка. Он повторяет снова и снова, что не забыл ее и очень хотел бы оказаться рядом, но придется потерпеть, просит ее быть осторожной и дождаться, а пока – записать ответное послание.

Десять минут пролетают, как миг. Элисса вертит в руках проектор, включает послание заново, а потом еще раз – не может наслушаться, ведь проектор придется отдать, а она готова смотреть на Леона хоть весь день.

Постучав, дверь отворяет Тевуртий.

– Знал, что так и будет. Тебе еще нужно время? Посланник готов подождать, усадил его пить чай.

– Еще полчасака, – виновато улыбается она. – А можно... перезаписать? У вас есть что-то похожее?

– Потерпи немного, Леон скоро сам придет. – Тевуртий подходит, показывает, какие кнопки нажимать, и удаляется.

Но прежде чем записывать послание, она умывается – не стоит ему видеть ее зареванное лицо, пусть это и слезы счастья, причесывается, переодевается, а потом долго думает, что же сказать. Так много хочется сказать, а когда до дела доходит, слова пропадают.

На том же листке, где записывала сон, она набрасывает план послания, ругает себя за нерешительность, наводит проектор на диван, включает, садится, приглаживая блузку.

– Привет, Леон! Не представляешь, как рада тебя видеть! – Плотину прорывает, и Элисса без стеснения говорит,

говорит, говорит – о том, как скучала, как переживала, как счастлива, что все у Леона получилось, и лишь в конце, погрузнев, рассказывает про сны, заранее извинившись за то, что, возможно, это неважно и лишь ее страхи.

На все про все уходит пятнадцать минут. Пересматривать запись Элисса не решается, выходит в кухню, где Тевуртий разговаривает с крепким мужчиной, сидящим спиной, который внимательно слушает и кивает.

Завидев Элисса, Тевуртий велит гостю не оборачиваться, а ей делает знак, чтоб уходила. Она напоминает себе, что посторонние ее видеть не должны, кладет проектор на холодильник и возвращается к своей спальню, счастливо улыбаясь.

Глава 7. Фундамент "Оплота"

Вечеринка превратилась в нетрезвое обсуждение планов: сперва все бурно радовались победе и наедались-напивались натуральной едой, которая была недоступна раньше, потом зашел разговор о том, кто чего добился у себя на родине, и меня посетила неплохая идея, как предотвратить неизбежную коррупцию среди офицерского состава «Оплота»: нужны чужаки, люди из других зиккуратов, у которых в Новом Карфагене не будет никого. Конечно, большинство придется набрать из местных – где ж взять столько чужаков?

Оказалось, что у Тейна есть братья на острове, которых можно было бы привлечь, у Наданы на севере тоже круг общения оказался не узким, а вот Лекс идею воспринял скептически, но, пораскинув мозгами, сам рекомендовал нескольких человек. Земляков Вэры привлекать было нельзя, карталонцев сочли бы диверсантами.

Кто есть у меня? Трикстеров я в расчет не беру, если буду с ними сотрудничать, то разве что позже, когда твердо встану на ноги. Есть Эд, гемод Рэй, Тевуртий. Они с нижних уровней, и коммуницировать будет сложно, придется перетаскивать сюда их всех, кроме Тевуртия – он жаждет тихой жизни с женой и приемными детьми. Рэю оформить паспорт, легализовать его – думаю, сложностей не возникнет.

Казалось, впереди вагон времени, но на самом деле это

не так: нужно побыстрее начинать кач, чтобы вылечит дочь Эйзера, убрать его подозрения и получить способности, которые защитят моих союзников от проклятия Бозтарха, вот только пока слабо представляю, как качаться. Спускаться вниз и искать приключения, как раньше? Слишком опасно, учитывая, какие у меня теперь враги. Остается надеяться, что, играя по-крупному, я буду получать больше опыта.

Но здесь все упирается в создание «Оплота», а это процесс небыстрый. Ничего, уже завтра можно согласовать детали с Гисконом и запустить маховик, а самому нанести визит нескольким майорам-гаммам. В сопровождении журналистов. Предъявить им обвинения в коррупции, арестовать, поставить относительно честных полицейских с низов.

Это засчитают как предотвращение противоправного деяния? Если нет, очень плохо, другого способа быстрой прокачки я не вижу.

* * *

Виктор с посланием от Элисы приходит ближе к полуночи, когда моя команда утомилась бродить по комнатам, восхищаясь роскошью, и расселась за столом в гостиной. Подвыпившая Надана трепетна и ранима, Тейн весел и играет роль клоуна. Рабыня Миранда подает на стол, разливает вино по бокалам, но в беседе не участвует, как Тейн ни пытается ее расшевелить.

– Народ, мне надо ненадолго отлучиться, а вы развлекайтесь, не стесняйтесь.

– Ты главное Миранду нам оставь, – говорит Тейн. – Или ты против, и она твоя дьевушка?

Поднимаясь за Виктором по мраморной лестнице на второй этаж, отвечаю:

– Она рабыня только номинально, и вправе делать, что хочет.

В горячке событий я даже не просмотрел запись, где Ра проводит экскурсию по дому, рассказывает, что здесь и как: то интервью, потом гостей принимал, а теперь одного хочется – поскорее увидеть Элиссу. Только сейчас понимаю, как же ее не хватает, и от предвкушения аж сердце частит.

Наверху Виктор молча отдает мне голографический проектор.

– Ты уже выбрал себе комнату? – спрашиваю я.

– Нет. Я не имею права этого делать без вашего ведома, хозяин.

– Называй меня Леон, – поморщившись, говорю я. – Виктор, мне нужен не раб, а соратник.

Он склоняет голову:

– Я очень благодарен, что вы выкупили меня, и постараюсь оправдать доверие. К сожалению, я не создан для принятия самостоятельных решений, потому буду ждать, пока вы не предложите комнату.

Ставлю галочку, что надо покопаться в данных Виктора и

посмотреть, можно ли убрать программу подчинения.

На втором этаже тоже четыре двери. За той, что справа – кабинет, остальные я еще не открывал.

– Виктор, иди к гостям... Или жди меня здесь, если хочешь... – вспоминаю, что он не умеет принимать решения, и берет злость на тех, кто сделал из человека безвольный биомеханизм, заточенный на подчинение. – Жди там, – указываю на дверь напротив, раб кивает.

В кабинете ставлю проектор на стол, включаю послание.

Элисса сидит на кровати, поджав ногу, и говорит, сначала смущаясь и отводя взгляд, а потом все смелее, смотрит в объектив, улыбается, и на ее щеках появляются ямочки, которые безумно хочется поцеловать. Меня охватывает желание прикоснуться к ней, обнять, присвоить – такое же, как при первой нашей встрече. Смотрю, как она щебечет, и проплывают мысли о том, что на земле шесть миллиардов людей, а для меня один человек важнее всех, и я не думал, что такое со мной случится. Но главное, я уверен, что не слаб, а силен этим чувством. Появляется стимул менять мир, что для себя и ради эфемерных целей неинтересно, но ради нее...

Излив накопившееся, Элисса на миг смолкает и продолжает уже полупшепотом – рассказывает о своих снах, где она – не она, а проживает чужую жизнь, когда речь заходит о пожаре и мальчике, я понимаю, что мне было видение, а ей послание в виде сна, и это явления одного порядка.

Мне нужно найти женщину и мальчика, от этого многое зависит, правда, пока неясно, где искать и что зависит. Для начала надо встретиться с Элиссой и хорошенько ее расспросить. Нарисовать портрет незнакомки и мальчика, показать ей, хотя я уверен на все сто, в ее снах огни же.

Возникает ощущение, что надвигается что-то зловещее, а мгновения вытекают водой сквозь пальцы, мне нужно действовать, но ума не приложу, что нужно делать. Вторым видением был намек, чтобы я выкупил Виктора. Зачем? Как это связано? Или Виктор как никто другой будет справляться с обязанностями телохранителя?

Меряю шагами комнату, затем нахожу чистую бумагу, сажусь не за стол, который кажется неудобным и громоздким, а прямо на пол и пытаюсь изобразить видение в деталях. И опять женщина напоминает Элиссу. Или так и есть на самом деле, такой Элисса будет через много лет, а ребенок... Наш сын? Бред!

Запрокинув голову, смотрю в потолок и обращаюсь к Шахару и Танит одновременно, мысленно спрашиваю, что мне надо сделать, прошу дать еще подсказку, но в ответ получаю тишину.

Вряд ли им плевать на происходящее. Значит, что-то не дает им пробиться. Интересно, как Бозтарх взаимодействует со своим покровителем, у которого на земле реальная власть? При мысли об этом на душе холодеет.

Стук в дверь заставляет меня вздрогнуть, иду открывать,

вспоминаю, что в доме все реагирует на звуковые команды, говорю: «Дверь», но ничего не происходит, нужно будет запрограммировать все, что программируется, на свой голос.

Открываю ручную. За порогом стоит Виктор.

– Ваши друзья интересуются, когда вы спуститесь. Они собираются расходиться и хотят с вами проститься.

Увидев меня, спускающегося по лестнице, Лекс встает с огромного коричневого углового дивана, расположенного у стены справа, и говорит:

– А мы думали, ты уснул.

– Давай по последней – и по домам! – заплетающимся языком предлагает Тейн.

– Завтра что? – поворачивает голову Вэра, сидящий в кресле ко мне спиной.

– Пока «Оплот» не привязан к адресу, собираемся здесь. Завтра в девять конференция с Эйзером Гисконом. Пока ничего конкретного, конкретика начнется завтра. Планировать будем исходя из того, какие новости принесет Гискон.

– Мои апартаменты напротив, номер 25, – напоминает Лекс, дает руку Надане, помогая встать. Наданы – этажом выше, 27.

– У мьеня 28, – улыбается Тейн, потягивается, хрустя суставами. – У Вэры 29.

– Отлично, все рядом, – говорю я, сдерживая зевок, и напоминаю: – Завтра в девять у меня.

Провожая гостей, пожимаю руки и думаю идти в кабинет,

чтобы рисовать портрет, и понимаю, что не ориентируюсь в собственном доме, экскурсию от Ра смотреть некогда, потому пробегаюсь по этажу самостоятельно.

Открываю первую дверь возле входа. Там оказывается шикарная ванная, даже скорее бассейн, плюс душевая. За второй, что с другой стороны лестницы, – уборная, напротив входа – спальня для слуг, кухня и огромная гостиная с деревянным столом, коричневым диваном, креслом и стульями-тронами. Белая плитка на полу.

На втором этаже справа от лестницы – кабинет, напротив правее – спальня с кроватью, где запросто улягутся трое; спрятанные в стене шкафы, картины в стиле минимализма. Чуть левее от лестницы – огромная пустая комната, напротив кабинета – еще одна уборная.

Появляется ощущение неправильности происходящего. Слишком чисто, слишком бело, я привык к другим цветам. Из окна видна ступень зиккурата с парком. Я здесь не на своем месте, проснусь – и ничего этого не будет. И опять надо прятаться и убегать.

Виктор следует за мной безмолвной тенью, рассказывает о себе по моей просьбе, интересным кажется лишь то, что он служил в храме Танит. В отличие от кровожадного бога Вала, Танит человеческих жертв не принимала, ее устраивало самоотверженное служение, а жрицами были исключительно женщины – обязательно незамужние и бездетные. Проводниками – девственницы из обнищавших пунийских родов.

Пока бродил по первому этажу, думал показать портрет Виктору, но теперь понял, что бессмысленно – неоткуда мальчику взяться в храме Танит.

Службу в храме Виктор начал в двадцать три года, до этого был телохранителем у состоятельной дамы и выполнял роль ее любовника, потом наскучил ей и был отправлен в храм. Из рассказа я сделал вывод, что он ни разу не использовал боевые навыки, а значит, вполне возможно, что в бою бесполезен.

Отправляю Виктора ночевать в комнату для рабов на первом этаже, возвращаюсь в кабинет, сажусь на пол, снова и снова пытаюсь материализовать свое видение. Если наложить листы один на другой, получится движущаяся картинка. Теперь найти бы того, кто узнает женщину. В голову опять приходит Гискон, завтра же... то есть сегодня утром снова у него о ней спрошу.

* * *

С Гисконом связываюсь в восемь, сразу после утреннего душа, он уверяет, что канал связи зашифрован, я делюсь наблюдениями относительно Боэтарха и напоминаю о необходимости прокачки.

– По «Оплоту». Нарботки уже готовы, – говорит он. – Соберетесь – обсудим, чтоб два раза не повторять.

Показываю ему несколько вариантов портрета, вдруг те-

перь узнает, но Эйзер качает головой:

– Я ж уже говорил, что не помню ее, хотя есть в ее чертах что-то неуловимо знакомое. Но это, скорее всего, наше национальное.

Заседание в гостиной начинается ровно в девять. Синхронизирую проектор с коммуникатором, подключаюсь к каналу Эйзера Гискона, и его голограмма появляется во главе стола напротив меня. Не здороваясь, он говорит:

– Бюджет советом выделен, но меньше, чем хотелось бы. Согласно расчетам, он позволит содержать штат в сто человек. Для сравнения, таков только офицерский состав ЧВК Магонов, а у нас намечается противостояние не только с Бо-этархом, но и с ними. Я согласен финансировать в три раза больше людей, но с условием: мои нефтяные вышки на Сабанском полуострове подвергаются набегам местных озверелых, и просочились сведения, что работники тоже планируют саботаж при участии магоновских агентов. Мне нужно сохранить вышки.

– То есть «Оплот» негласно обороняет твое имущество, как бы имея на то разрешение Совета. Условие выполнимо. Дальше.

Искоса поглядываю на свою команду – все, кроме Вэры, которому плевать на звании и регалии, сидят, вытянувшись. Для них альфы были чем-то вроде сошедших с небес богов, которые могут как разгневаться, так и одарить. И вот божество в лице Эйзера Гискона снизошло до них!

– Пункт первый. Головной офис «Оплота». Скидываю координаты здания и схему помещений. Здание полностью готово. Требуется меблировать и закупить оборудование, смету я оплачу. Как будешь готов, свяжись с моим человеком через коммуникатор, координаты скидываю, он поможет подобрать оборудование.

– Юридическое оформление «Оплота»?

– Пункт второй, – спокойно говорит Гискон, сплетая голографические пальцы. – Это процесс небыстрый. О создании «Оплота» офицерский состав силовых блоков будет уведомлен сегодня. В данный момент вносится информация об «Оплоте» на всех ресурсах, процесс завершится ориентировочно к шестнадцати ноль-ноль.

– То есть вечером можно считать, что «Оплот» существует и приступает к выполнению функций.

– Именно. Ни одно ведомство не образовывалось так быстро. Полагаю, что человеческий ресурс ты ты берешь на себя.

– Возможно ли привлечение кадров с других зиккуратов? Выбракovaných гемодов и рабов, предназначенных в жертву?

– Гемоды – однозначно нет, – кривится Гискон. – Жаль, но это противоречит всеобщему концепту. Рабы... Магон тоже использует рабов, но они малоэффективны.

– Списанных рабов, – говорю, подавшись навстречу. – Тех, кто хочет жить, а не гореть в чреве Ваала, и ради жизни

готов на все. Мужчина в сорок пять еще вполне боеспособен, а если помножить на жизненный опыт, получится еще сильный, плюс сообразительный воин. Выгоднее вложиться один раз, чем платить наемникам постоянно. К тому же рабы-воины будут биться за тебя до последнего, потому что твой проигрыш – их смерть.

– Толковое предложение. Обдумаю.

– Но людей выберу я сам.

– Договорились. К твоим услугам лучшие кадровые моделировщики: протестируют твоих людей и подберут оптимальную сферу деятельности.

– Пока я займусь обустройством штаба, распределением ролей и нанесу несколько визитов. Кстати, заметил слежку за своим флаером.

– Неудивительно. Боэтарх очень в тебе заинтересован, и высовываться я бы тебе не рекомендовал. Здесь ты практически неуязвим, но на нижних уровнях велико влияние Филинов, а они спелись с Боэтархом. Я пытаюсь договориться о союзе с Барками.

У него пищит коммуникатор, Гискон с недовольным видом читает сообщение и говорит:

– Обстановка на Сабанском полуострове накаляется. Есть подозрение, что скоро рванет. Пока все, я на связи. Отбой.

На пару секунд повисает молчание. Лекс разводит руками и озвучивает всеобщее мнение:

– Одного не понял, зачем тут мы?

– Договориться о союзе с Барками, – Надана задумчиво повторяет слова Гискона. – С потомками великого Ганнибала! И мы здесь уши греем. У одной меня ощущение, что это все мне снится?

– Не радуйся, – осаживает ее Вэра. – Мы ввязываемся в опаснейшую игру, где роскошь – наименьшая плата за смерть. Пройдет немного времени, и ты поймешь.

– По флаерам? – потирает руки Тейн.

Шагая к флаеру, связываюсь по коммуникатору с Ра, прошу мобилизовать психологов-моделировщиков и формирую странное задание: выяснить, не увеличилось ли количество смертей, которые кажутся естественными, в ближнем и дальнем окружении Боэтарха. В лифте списываюсь с завхозом, прошу прибыть в штаб, параллельно озадачиваю Лекса, чтоб составил список самого необходимого.

Кадрами нужно заняться прямо сейчас, а именно: вызвать на ковер полковников и майоров силовых ведомств, проверить, насколько они погрязли в коррупции, и неплохо было бы подыскать им смену. Кроме него, никто не увидит список совершенных преступлений. Наверняка среди молодежи есть и чистые перед законом, такие, как Эд, и они станут основой «Оплота». Этот парень, если он еще жив, точно будет у меня командовать подразделением.

Ручным управлением флаера не владеет никто, даже я не в полной мере, а Лекс освоил только симулятор, потому ведет машину Виктор. Объясняю команде необходимость пройти

тестирование, вспоминаю, как тестировали меня, и в голову приходит безумная идея. Настолько безумная, что невольно улыбаюсь.

Кошмарить «Оплот» будет в основном гамм, в меньшей степени – дельт со второго уровня, для которых, как и для членов моей команды, беты – небожители, обладающие фантастическими технологиями, и на этом можно сыграть.

Вечером я планирую начать беседы с майорами, причем первым передо мной отчитается Луций Тория – тот, кто устраивал зачистки и инициировал гонения на трикстеров. Посмотрю, насколько он чист перед законом. К тому же у меня висит незакрытый квест высокой сложности: нужно найти и разоблачить организаторов терактов, а Тория может быть в курсе, кто заказывал музыку.

И желательно бы встретиться с Элиссой, вот только я пока не придумал как. Мне спускаться к Тевуртию опасно: и сам подставляюсь, и могу их подставить. Девушку вызывать к себе еще опаснее, ее лицо есть в базе данных преступников, а на четвертом уровне везде сканеры. Еще к Рэю надо наведаться, но прежде – договориться с Гисконом, чтоб легализовать гемода. Одного-то, надеюсь, можно.

База находится на первой ступени почти в сердце зиккурата, мы оставляем флаер на парковке и пересаживаемся в скоростной мобиль, эдакий горизонтальный лифт на моно-рельсе, который, судя по карте в коммуникаторе, по тоннелям в стенах мчит нас в сердце зиккурата.

Долетаем минут за семь. Прикладываю кредитку, чтоб списались деньги, и откидывается стеклянная крыша механизма, выпуская нас возле стены. С полминуты заморожено наблюдаем, как в стене открываются и закрываются зрачки люков, выплевывая капсулы подобные той, на которой мы приехали, и холеные пассажиры идут через парк к более стеклянной, чем бетонной стене, нашему пункту назначения.

Верчу головой в поисках камер: они тут повсюду, нет ни угла, где от них можно было бы укрыться. Вот бы здорово уметь, как на Полигоне, становиться для них невидимым! Но увы.

База находится в левом крыле стены, имеет отдельный вход и занимает первые три этажа: шесть кабинетов на первых двух, на третьем – три плюс актовый зал, где нас ожидает «завхоз» – пятидесятилетний мужчина с военной выправкой. Везде пусто, даже компьютеров нет.

Думаю, что пока нам незачем столько места, нужен актовый зал и два кабинета, озвучиваю это, «завхоз» делает пометки в коммуникаторе, меня перебивают, высказывая свои пожелания, Надана и Лекс, а я чувствую себя полным бараном – не знаю даже, что нужно для связи с нижними уровнями, ведь каждый существует относительно автономно.

Хорошо, на помощь подоспевает Ра, а психологи уводят членов моей команды. Составив смету, отправляю «завхоза» выполнять заказ и понимаю, что не соображаю, как тут все

работает, и без помощи не обойтись. В насущных вопросах помогут Виктор и Миранда, но, чтоб ориентироваться в вещах посложнее, нужен кто-то с более высоким уровнем доступа. Для этого мне в помощники дан Ра, но доверять ему полностью, как и Гискону, нельзя.

День проходит в суете. Через два часа привозят оборудование и начинают его монтировать. Удивление Ра вызывает четыре медицинских кресла с датчиками и футуристического вида обручи, которые используют для нормализации сна.

Даю распоряжение установщику, указывая на кресло, шлем и трибуну с панелью:

– Соедините в систему, чтоб выглядело достоверно.

Ра вскидывает бровь:

– Но зачем это?

– Для допросов, – отвечаю, отведя его в сторону. – Это имитация детекторов лжи. – Дальше говорю с рабочим: – Мне нужно, чтобы система управлялась через коммуникатор и трибуну. Когда я активирую ее, обруч должен, например, мигать, кресло жужжать – создавать зловещую обстановку. Реально сделать?

Лихой установщик машет рукой:

– Любой каприз!

Шесть рядков по пятнадцать стульев уже установлены, перед ними рабочие трудятся над «детекторами лжи» – мне надо, чтобы они выглядели максимально достоверно, иначе как я объясню способность видеть совершенные преступления?

Только к трем часам дня компьютеры подключают к системе. На коммуникатор приходит сообщение от Гискона, что генералы проинформировали средний офицерский состав о создании нового ведомства. К письму прилагался текст уведомления, которое получили офицеры: предоставлять отчеты по малейшему требованию нового ведомства, подчиняться офицерам «Оплота» даже если они ниже в звании, запрещается противодействие следственным мероприятиям, «оплотовцы» имеют право задержать полицейского на пять дней до выяснения обстоятельств, и так далее.

Усмехаюсь, представляя, какой поднялся вой на нижних уровнях. Кто поумнее, уже подает в отставку, но таких мало. Остальные думают, что у них еще есть время грабить, и постараются насосаться крови про запас. Как же они ошибаются!

Обращаюсь к Лексу, зависшему над программистом, вводящим его в курс дела:

– Надо составить письмо и разослать капитанам подразделений вот этого сектора, – вывожу на экран карту, отмечаю территорию, где служил во внешнем патруле, и понимаю, что территория второй ступени огромна, капитанов мне за год не пересмотреть, придется начать с майоров, но для эксперимента пусть первопроходцами будут эти люди. – Лекс, посмотри, сколько там ведомств, кто ими командует с третьего уровня, и завтра их – на ковер. Проверю, как работает мой детектор лжи...

Программист рассказывает Лексу, как совмещать базы данных между разными уровнями, а меня осеняет, как попасть к Элиссе, рискуя по минимуму.

– Лекс! Срочно нужно найти и вызвать человека. Эддард Диаматис, двадцать три года, второй уровень, был полицейским внешнего патруля.

Программист, консультирующий Лекса, жестом подзывает меня:

– Идите сюда, покажу, как пользоваться хранилищами.

– Спасибо, обязательно вникну позже. Сейчас мне срочно нужно найти и вызвать человека, – гну свою линию я.

Видимо, парень в курсе, кто я и почему ничего не сообщаю, потому терпеливо объясняет:

– Жителям второго уровня запрещено посещать четвертый без, во-первых, специального пропуска, во-вторых, сопровождающего. Пропуск придется выписывать вам, регистрировать в базе данных и, лишь получив подтверждение, переносить на специальный бланк, вот такой. – Он показывает пластиковую карту, переливающуюся пурпуром. – Он многоразовый. Покидая уровень, гость кладет пропуск в утилизатор, и информация стирается. Получить бланк можно в приемнике магнитных бланков. Узнать, где ближайший приемник – сделав запрос. Получив бланк, его следует вставить вот сюда...

– Еще раз спасибо. Раб как сопровождающий подойдет?

– Обычно их как сопровождающих и используют. Либо

же можно нанять курьера-сопровождающего. – Последнее он говорит, уже щелкая по кнопкам. – Есть! Этот человек?

С экрана на меня смотрит Эд.

– Он жив?

– Нанялся в Карталонию, но не успел заступить, как его подразделение расформировали. Сейчас ждет командировки в Китай. Теперь давайте вместе сделаем ему пропуск, вам придется часто этим заниматься.

Лекс уступил ему место в кресле и встал справа, я завис над левым плечом. Через десять минут Виктор с пропуском отправился за Эдом, которого уже известили о том, что его вызывают наверх, а через час, сутулясь и недоверчиво озираясь, высокий нескладный парень переступал порог базы в сопровождении Виктора.

Я не стал его мучить и вышел навстречу, встретил в коридоре первого этажа. Парень опешил, уставился удивленно, радости на его лице не было, скорее – недоумение.

– Ты? – пробормотал он. – Я смотрел шоу, это было круто. Получить гражданство среди бет – так вообще круто! Но почему я здесь?

– Потому что это я, – улыбаюсь. – А я не бросаю друзей, это раз. Два – мне нужна твоя помощь, ты наверняка слышал о моих планах вывернуть гнилую систему наизнанку. Без таких, как ты, это невозможно.

Он усмехается уже более смело, поглядывает на Надану, проверяющую пустые помещения, с уважением – помнит ее

по Полигону.

– Ты шутишь?

– Считай, что тебе сделали предложение, от которого нельзя отказаться. Как мать?

Надана ретируется, а мы уединяемся в пустом кабинет первого этажа. Эд еще насторожен, ищет подвох и поглядывает с недоверием, но с каждой минутой все меньше оробевшего мальчишки и все больше того Эда, которого я знал.

– Ее жизнь вне опасности, но нужны пластические операции, а это дорого...

– И ты подался в наемники. Предлагаю должность командира десятки. Какая будет зарплата, пока не скажу, но всяко больше, чем у наемника.

– Ты серьезно? Думал, ты добьешься своего и заживешь сытой спокойной жизнью.

– Я держу слово. Спокойной жизни у меня не будет. Ну и у тебя тоже. Да и ни у кого не будет, потому что намечается большой замес. Решай.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что Эд задумался, на самом деле он ошалел от счастья и онемел на минуту – я купаюсь в его счастье, оно по интенсивности напоминает ядерный взрыв. Губы его дрожат, он пожимает мою руку.

– Да. Конечно – да!

А я продолжаю:

– Мне нужно незамеченным проникнуть на второй уро-

вень и попасть к одному человеку. Без твоей помощи сделать это будет сложно. Поможешь?

Он задумывается на мгновение, кивает.

– Не вопрос.

– Тогда слушай...

Глава 8. Видения

Наверное, это самый рискованный и безответственный поступок в моей жизни. Но возможно, что и наоборот. Слишком многое на карте, слишком все зыбко и непонятно, потому я решил действовать, а не выжидать, и отправился на второй уровень вместе с Эдом.

Выискав место, где нет сканеров и камер, мы надеваем силиконовые маски и на такси отправляемся к Помпилиям. Велю таксисту ехать медленно, чтобы я успевал увидеть следящие дроны или агрессивно настроенных людей. Удивительно, но за несколько дней я привык к флаеру, и мобиль кажется неповоротливым и неудобным.

Мобиль останавливается чуть в стороне от дома Помпилиев, возле бассейна то ли с уснувшими кувшинками, то ли с лотосами, прощаюсь с Эдом и выхожу в прохладные сумерки. В парке полно прогуливающихся людей, льется музыка, пахнет зелению, светом и кофе с ванилью. Прохаживаюсь по улице туда-сюда, но по-прежнему не обнаруживаю слежки, подхожу к знакомым воротам, нажимаю на кнопку звонка.

На мне по-прежнему маска, и Тевуртий, скорее всего, не узнает меня.

– Чем обязан? – сдержанно спрашивает он.

– Курьер. Голографическое послание, – чужим голосом

говорю я, ощущая странное.

Мое тело, мир вокруг превращается в раскаленный воск, сердце колотится, дышать горячо. Такое я испытываю, только когда рядом Элисса, до встречи с ней и не думал, что чувства могут быть такими пронзительными и... беззащитными, что ли, пусть мне и не нравится это понимание.

Тевуртий выходит встречать меня лично, видимо, заметил, что на подозрительном госте маска, и не хочет впускать в дом. Говорит из-за ворот:

– Извините, но в целях предосторожности я возьму у вас прибор, а вы подождете снаружи.

– Мне нужно ее увидеть, – говорю полусшепотом, но так, чтобы Тевуртий узнал мой голос. – Да, это я.

Некоторое время висит молчание, в конце концов щелкает замок, я переступаю порог, молча пожимаю его руку, и мы идем в дом, где сразу же стягиваю маску, тру вспотевшее лицо, и Тевуртий обнимает меня, хлопает по спине.

– Слежки нет, – отчитываюсь я и отстраняюсь. – Мне нужно срочно увидеть Элиссу.

– Она у себя, – говорит он, пропуская меня дальше.

На ходу сбрасываю ботинки, переступаю порог детской...

Элисса спит, уронив голову на раскрытую книгу.

– Не спит толком, не ест, – жалуется Тевуртий, стоящий за спиной. – Любит она тебя.

Сажусь на край дивана. И желая, и опасаясь потревожить ее сон, глажу по щеке, она улыбается, открывает глаза, об-

нимает подушку одной рукой, второй хватает меня, шепчет:
– Поснишь мне еще. – И спит дальше.

Улыбаюсь, продолжаю гладить ее лицо, убираю пряди черных волос, контрастирующие со снежно-белой кожей.

– Да? – бормочет она, переворачивается на спину, смотрит в упор. – Только попробуй исчезнуть.

Тевуртий закрывает дверь. Продолжаю ее гладить, а она не верит своим глазам – пронзительно-синим, ярким. Ни у кого не видел таких глаз. Поднимается на локтях, закрывает лицо руками, ее плечи вздрагивают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.